

МАРИ СКАЙ

Плата желанием:

**РОМАН С ДОСТАВКОЙ
ПО СОСЕДСТВУ**

Мари Скай

Плата желанием: роман с доставкой по соседству

<https://litres.ru/74546299>

Аннотация

Утро обычной вторника пошло под откос, когда моя любимая кофемашина не просто сломалась, а эффектно задымилась, устроив локальный апокалипсис на моей кухне. В панике, накинув лишь тонкий халатик, я вылетаю на лестничную клетку и врезаюсь в твердую, как камень, грудь нового соседа. Высокого, невероятно привлекательного и, кажется, способного потушить пожар одним своим взглядом.

Он не только успокаивает мою панику, но и вызывает желание починить злополучную технику. Кто же знал, что, впуская его в квартиру, я впускаю в свою жизнь настоящий ураган страсти? Когда агрегат заработал, а я попыталась отделаться вежливым «спасибо», сосед усмехнулся и припер меня к стойке. «Спасибо, конечно, хорошо, — его голос стал низким и хриплым, — но такую услугу принято оплачивать иначе. И, кажется, я знаю идеальный способ...»

Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора! МАРИ СКАЙ

Содержание

Пролог: Искра	4
Глава 1. Утро, которое пошло по сценарию апокалипсиса	14
Глава 2. Инструменты и напряжение	34
Глава 3. Ремонт окончен. Или только начинается?	50
Глава 4. Свидание под прикрытием	63
Глава 5. Порочная сделка	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Пролог: Искра

Ключ два раза мертво щелкнул в личинке замка. Эти звуки — сухие, металлические, слишком громкие в тишине пустого подъезда — словно поставили точку на одной главе моей жизни и открыли другую. Дверь поддалась не сразу, пришлось надавить плечом, и она отворилась с протяжным, надсадным скрипом, которого я совершенно не заметил, когда осматривал квартиру днём. Риелторша что-то щебетала про «уютное гнёздышко» и «солнечную сторону», скрипа я тогда не слышал. А сейчас он врезался в уши, как предупреждение.

Внутри пахло известковой пылью, забившейся в щели между старыми половицами, горьковатой ветхостью обоев, которые видели не одно поколение жильцов, и чем-то неуловимо чужим — тем самым чужим прошлым, которое, кажется, въелось в стены намертво. Моим новым прошлым. Я бросил спортивную сумку у порога. Удар ткани о голый пол показался мне оглушительно громким в этой гулкой, давящей пустоте. Звук метнулся от стен и погас, оставив после себя звенящую тишину.

Квартира-студия на пятом этаже старой хрущевки. Минимализм, до которого мне, если честно, не было ровным счётом никакого дела. Просто стены, которые предстояло чем-то заполнить, чтобы они не давили на психику. Голые сте-

ны, пластиковое окно на кухне, выходящее в унылый двор-колодец, и чугунная батарея под подоконником, от которой нестерпимо хотелось тепла, хотя на дворе стоял сырой, промозглый октябрь. Было такое чувство, будто холод сочится прямо из стен.

Я прошел в центр комнаты, остановился, прислушиваясь к себе. Тишина. Никакая. Мертвая. Покрутил в руках телефон, проверяя связь. Две палки. Барс. Хотя что-то стабильное в этой жизни.

Телефон завибрировал. Экран вспыхнул в полумраке.

— Дамир, ты как там? Осваиваешься? — голос Артура в динамике звучал неестественно бодро и с отчетливыми нотками вины. Это ведь именно он сосватал мне эту конуру, расписывая райские кущи и уверяя, что «район тихий, соседи — одни пенсионеры, ни шума, ни проблем».

— Осваиваюсь, — коротко бросил я, задрвав голову и рассматривая темные, замысловатые разводы на потолке. Следы протечек? Или просто старая плесень? — Тишина как в склепе.

— Ну и отлично! — обрадовался он. — Отоспишься за все десять лет командировок! Давай, брат, вещайся, разбирай вещи. Если что — звони, не стесняйся.

Я сбросил вызов и сунул телефон обратно в карман джинсов. Отосплюсь. Вряд ли. За годы работы внештатником, вечной беготни по чужим странам и горячим точкам, организм напрочь отвык от покоя. Тишина для меня была не на-

градой и не отдыхом, а настораживающим фактором. Знаком того, что где-то рядом, в этой самой тишине, затаилась угроза. Мозг, привыкший к режиму «боевого дежурства», просто не умел расслабляться.

Я подошел к окну, уперся ладонями в холодный, покрытый известковой пылью подоконник. Внизу, в колодце двора, горел одинокий фонарь. Его желтый, болезненный свет выхватывал из непроглядной тьмы мокрый, блестящий асфальт и ряды помойных баков, похожих на притаившихся зверей. Серая, тоскливая, безысходная картина. Идеальное место для того, чтобы сойти с ума или, наоборот, наконец-то обрести покой. Я склонялся к первому варианту.

И тут тишина лопнула.

Сначала я подумал, что мне показалось. Что это просто ветер гудит в вентиляционной шахте или трубах. Низкий, вибрирующий гул, похожий на звук перегруженного сабвуфера. Он шел от стены, за которой, судя по планировке, была соседская кухня. Он нарастал, ввинчивался в тишину. А следом за гулом пришел запах. Тонкий, едкий, тревожный, от которого у любого человека, хоть раз нюхавшего порох и горелую плоть, холодеет затылок и сжимается все внутри. Запах горелой проводки и плавящегося пластика.

— Твою ж мать... — выдохнул я, отлипая от окна и мгновенно превращаясь из уставшего мужика в настороженного зверя.

Гул нарастал, превращаясь в истеричный, захлебываю-

щийся вой. И сквозь него, как игла сквозь вату, прорвался звук, от которого у меня свело скулы и дернулась рука, готовая к удару. Женский крик. Короткий, сдавленный, полный не боли даже, а какого-то первобытного, ледяного ужаса. Крик человека, который внезапно оказался лицом к лицу с чем-то необъяснимо страшным.

Рефлексы сработали быстрее мозга, быстрее, чем я успел подумать «а не показалось ли?». Я рванул к двери, вылетел на лестничную клетку — холодную, пропахшую кошачьей мочой и сыростью. Дверь соседней квартиры была приоткрыта, и оттуда, как из жерла преисподней, валил густой, сизый дым, смешанный с мертвенно-белым, мерцающим электрическим светом от коротких замыканий.

Я уже занес ногу, чтобы одним ударом выбить эту чертову дверь к чертям собачьим, как вдруг она распахнулась сама, едва не задев меня по плечу.

И я увидел Ее.

Она выскочила на лестницу, споткнувшись о высокий порог, и на одно бесконечное мгновение словно повисла в воздухе, вцепившись одной рукой в дверной косяк, а другой судорожно запахивая на груди мокрый махровый халат. Халат был синим, выцветшим от множества стирок, и абсолютно не справлялся со своей задачей. Полы его разлетелись в стороны, открывая моему внезапно пересохшему взгляду длинные, бледные, идеальной формы ноги, и мокрые разводы на тонкой ткани, которая липла к телу, обрисовывая каждый

изгиб.

Но не это ударило меня под дых, лишив дара речи и способности соображать. Не это заставило мир вокруг сузиться до размеров этой лестничной клетки.

У нее были волосы. Мокрые, тяжелые, непослушные, цвета воронова крыла, отливающие синевой в тусклом свете единственной лампочки. Они пахли озоном от близкого замыкания и чем-то сладким, чужим, женским — ее шампунем, ее кожей. Влажные, шелковистые пряди прилипли к вискам, к нежной шее, тяжелыми змеями падали на вздрагивающие плечи. С них срывались крупные, прозрачные капли, скользили по голой ключице и исчезали за воротом халата.

А потом я увидел ее глаза. Огромные, распахнутые настежь, с расширенными до предела зрачками. В сумеречном свете они казались почти белыми, прозрачными. В них плескался такой дикий, первобытный, животный страх, что меня самого на мгновение пробил холодный пот — мне показалось, будто за ее спиной, в дыму, действительно стоит смерть с косой, протягивая костлявую руку.

Но за ее спиной, в квартире, с визгом и громким хлопком взорвалась розетка, выплюнув яркий сноп искр, похожий на маленький фейерверк. И страх в ее глазах, этот ледяной ужас, мгновенно сменился другим выражением — отчаянным, почти беспомощным облегчением при виде живого, реального человека, пришедшего из темноты. Она смотрела

на меня так, будто я был не новым соседом, а ангелом-спасителем, явившимся прямо из стены.

Она судорожно, со всхлипом, дернула халат, пытаюсь прикрыться, но пальцы ее не слушались, дрожали, и мокрая ткань только сильнее обтянула тело, подчеркивая высокую грудь, талию, бедра. Тонкий шелк халата стал почти прозрачным, обрисовывая контуры тела с фотографической четкостью.

Я стоял и смотрел на нее. Меня будто парализовало. Напрочь. В голове, привыкшей за доли секунды просчитывать десятки вариантов развития событий, оценивать риски и степень угрозы, не осталось ни одной связной мысли. Только картинка, впечатанная в мозг каленым железом: испуганные, нечеловечески красивые глаза, мокрая, бледная кожа, мерцающая в свете умирающей лампочки, и этот чертов синий халат, который она теребит побелевшими, дрожащими пальцами.

— Там... там... — выдохнула она, мотнув головой назад, в дым, и голос ее сел, сорвался на надрывный, испуганный хрип. Она была на грани истерики.

И только тогда, спустя целую вечность, до моего затуманенного сознания дошло: техника горит. Пожар. Опасность. База. Инстинкты.

— В сторону! — рявкнул я, наверное, слишком громко, слишком грубо, вырывая себя из этого наваждения.

Я шагнул мимо нее, плечом задев мокрый, холодный ру-

кав халата, и, ворвался в квартиру, мгновенно сканируя обстановку. На кухне, на холодильнике, чадила микроволновка. Пластиковый корпус оплавился, черная жижа текла на белую эмаль, воняло так, что резало глаза и першило в горле. Я рванул провод из розетки, выдернув его с мясом, вместе с куском оплавленной штукатурки, отбросил дымящийся прибор в раковину и рванул створку окна настежь. Холодный, влажный октябрьский ветер ворвался внутрь, разгоняя вонь и дым, наполняя кухню свежестью.

Когда я вышел обратно на лестницу, она все так же стояла у стены, прислонившись к ней спиной и обхватив себя руками за плечи, будто пытаюсь согреться или унять дрожь. Халат наконец-то был кое-как запахнут, перехвачен поясом, но это уже не имело ровным счетом никакого значения. Та, первая, картинка уже отпечаталась в моем мозгу намертво, до мельчайших деталей.

— В порядке? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал максимально ровно и буднично, словно я каждый день тушил пожары у полуголых соседок.

Она кивнула, нервно сглотнув. Кадык на ее тонкой шее дернулся. Глаза ее лихорадочно бегали по моему лицу, по груди, по рукам, будто она пыталась понять — кто я, откуда взялся, реален ли я вообще, или это шок рисует ей спасителя.

— Микроволновка... новая... — забормотала она, зачем-то оправдываясь. — Я только включила разогреть и в душ зашла... на минуту... А она как загудит, как затрещит,

и дым пошел... Я так испугалась... — Замыкание, да?

— Да, — ответил я коротко, чувствуя, как бешено колотится пульс в висках. Слова давались с трудом. — Проводка здесь старая, алюминий, нагрузку не держит. Мужа вызови, пусть проводку поменяет, пока квартиру не спалил.

Она странно дернула плечом. Какая-то полуулыбка-полуусмешка, полная горечи или обреченности, исказила ее губы. Ответа не последовало.

Повисла неловкая пауза. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда, за стеной залаяла собака. А здесь, на площадке, стояла звенящая тишина, нарушаемая только нашим дыханием.

— Я ваш новый сосед, — я кивнул на свою дверь, чувствуя себя при этом полным идиотом. — Дамир.

— Вика... — выдохнула она, наконец-то отрывая взгляд от моих рук и медленно, словно нехотя, поднимая его к моим глазам. И в этом взгляде, все еще полном пережитого страха, мелькнуло что-то другое. Что-то чисто женское, оценивающее, проницательное. Она смотрела на меня уже не как на спасителя, а как на мужчину. От этого короткого, скользящего взгляда внутри меня что-то дернулось и противно зазвенело, как туго натянутая, готовая лопнуть струна.

— Спасибо, — быстро добавила она, словно испугавшись собственных мыслей, и, неловко запахнув ворот халата, скользнула обратно в свою продымленную квартиру, плотно, без единого звука, закрыв за собой дверь.

Щелкнул замок.

Я остался стоять на лестничной клетке, тяжело дыша, будто пробежал стометровку. Вокруг снова была ватная, глухая тишина, только где-то далеко внизу хлопнула тяжелая подъездная дверь. Запах гари, вьевшийся в одежду, смешивался с влажным холодом, тянущим из открытого окна, и с тем неуловимым, сладким, пьянящим ароматом, который, казалось, до сих пор висел в воздухе, остался после нее.

Я провел ладонью по лицу, чувствуя, как под пальцами пульсирует кровь, как колотится сердце, готовое выпрыгнуть из груди. И это был не пульс после пробежки. И даже не адреналин после тушения пожара. Это было от НЕЕ. От образа, который стоял перед глазами.

Я повернулся к своей двери, толкнул ее. В пустой, холодной комнате было темно, и все так же пахло пылью и известкой. Я прошел к окну, уперся лбом в холодное, запотевшее стекло. Внизу, во дворе-колодце, по-прежнему горел тот же одинокий фонарь, освещая мокрый асфальт и мусорные баки.

— Вот черт, — выдохнул я в пустоту, глядя на свое смутное, искаженное отражение в темном стекле. — Кажется, соседи у меня будут проблемными.

Я помолчал, вслушиваясь в тишину за стеной. Там, за ней, сейчас была Вика. Мокрая, испуганная, с этим бездонным взглядом.

— Или это я стану для нее проблемой. Большой пробле-

мой, — одними губами прошептал я, чувствуя, как где-то глубоко внутри зарождается совершенно неуместное, неправильное, но очень острое предвкушение.

Глава 1. Утро, которое пошло по сценарию апокалипсиса

Утро обещало быть идеальным. Оно не просто обещало — оно клялось, божилося и размазывало по небу акварельные обещания в виде нежно-розовых облаков. Я проснулась сама, без будильника, в семь тридцать две — то самое магическое время, когда организм уже выспался, но еще не успел возненавидеть мир за необходимость вылезать из-под одеяла. Секундная стрелка на моих любимых настенных часах (винтаж, блошиный рынок в Берлине, между прочим) дернулась и замерла на цифре двенадцать, словно подтверждая: сегодня особенный день.

Солнце пробивалось сквозь легкие шторы итальянского льна, рисуя на паркете золотистые полосы, которые лениво перетекали с одной плашки на другую. Из открытой форточ-ки тянуло свежестью и отдаленным шумом просыпающегося города — где-то внизу уже тарахтел первый трамвай, а дворники начинали свою утреннюю переключку метлами. Я потянулась в кровати, чувствуя, как приятно ноют мышцы после вчерашней йоги — вчера я впервые сделала стойку на голове, пусть и у стены, пусть и всего три секунды, но сделала! — и улыбнулась сама себе. Не дежурной улыбкой для коллег или вежливой для кассирши в супермаркете, а настоящей,

внутренней, которая начинается где-то в солнечном сплетении и расходится теплыми волнами по всему телу.

Сегодня не было жестких дедлайнов. Сегодня не предвиделось дурацких созвонов с заказчиками, которые вечно не знают, чего хотят, но требуют это «чего-то» еще вчера. Сегодня был мой день. День, когда я принадлежу только себе и своим маленьким ритуалам.

А главный ритуал у меня один — кофе.

Я люблю кофе. Не так, как обычные люди, которые хлещут растворимую бурду на бегу, заедая безвкусным бутербродом с плавленым сыром. Я люблю его глубоко, страстно, почти неприлично. Люблю запах свежемолотых зерен — в этом запахе есть что-то первобытное, обещание энергии, пробуждения, жизни. Люблю шипение пара, когда он прорывается сквозь спрессованную таблетку молотого кофе. Люблю, как густая темная жидкость с легкой ореховой пенкой — настоящей крема, а не мыльной пеной, как из капсульных машин — наполняет чашку. Для меня это не просто напиток. Это медитация. Это старт. Это обещание, что день будет хорошим.

Мою кофемашину я выбирала полгода. Объездила десяток магазинов, перечитала сотни отзывов на профессиональных форумах, консультировалась с бариста в любимой кофейне, куда хожу уже три года. В итоге купила итальянку — красавицу с хромированными боками, тяжелым латунным рычагом и панелью управления, которая светила в темноте

мягким синим светом, как экран в дорогом автомобиле. Она стоила безумных денег, половину моей дизайнерской ставки за крупный проект по ремонту пентхауса в центре, но я ни разу не пожалела. Мы с ней были одно целое. Я — творец интерьеров, она — творец моего утра. Я даже имя ей дала — Джульетта. Потому что она была прекрасна и капризна, как настоящая итальянка.

Я откинула одеяло — постельное белье из египетского хлопка, тысяча нитей, нежнейшее прикосновение к коже — и встала. Накинула халат. Тот самый, персиковый, шелковый, любимый. Купила его в прошлом году в Париже, в маленьком бутике на rue des Martyrs, и с тех пор не изменяю ему ни в одно утро. Халат скользнул по плечам, холодя разгоряченную сном кожу, и я поежилась от удовольствия.

Босиком прошлепала на кухню. Пол был приятно прохладным, и это бодрило не хуже кофеина — паркет из термоясеня, моя гордость, отдавал ночную прохладу. Волосы после вчерашнего душа еще не высохли окончательно, тяжелыми влажными прядями падали на спину, оставляя на персиковом шелке темные влажные следы. Я заправила их за уши, открывая шею, и подошла к окну. На секунду замерла, глядя на город. Москва просыпалась, где-то далеко уже начинала клубиться пробка на Садовом, но здесь, на седьмом этаже старого дома в тихом переулке, было почти по-деревенски спокойно.

Настроение было превосходным. Абсолютным. Безупреч-

НЫМ.

Я повернулась к Джульетте. Она стояла на своей законной столешнице из искусственного мрамора, сияя хромом в лучах утреннего солнца. Я открыла верхний шкафчик, где в вакуумных банках хранились зерна. Сегодняшний выбор — Кения, мытый, с нотами черной смородины и бергамота. То, что нужно для утра, которое обещает быть идеальным.

Я засыпала зерна в кофемолку, наслаждаясь привычным тарактением. Запах свежего помола ударил в нос, и я зажмурилась от удовольствия. Потом аккуратно, специальной лопаточкой, пересыпала молотый кофе в холдер, утрамбовала его темпером — ровно, с усилием, чтобы таблетка получилась идеальной. Вставила холдер в машину, повернула до щелчка. Синяя лампочка горела ровно, призывно, обещая скорое счастье.

— Доброе утро, красавица, — шепнула я Джульетте, погладив ее по хромированному боку. — Сделай мне сегодня самый лучший кофе.

Я нажала кнопку запуска.

И в этот момент ад разверзся.

Сначала раздался звук. Не привычное глубокое шипение пара, а противный, высокий вой, будто внутри машины завелся раненый зверек. Вой нарастал, становясь все выше, все отчаяннее. Потом что-то щелкнуло — громко, сухо, как выстрел. Заискрило. Я реально увидела синюю вспышку между корпусом Джульетты и столешницей, она была яркой, как

маленькая молния, и длилась долю секунды. А затем пошел дым.

Серый, едкий, воняющий горелой проводкой, пластиком и чем-то химически-сладким дым повалил из всех щелей моей любимицы. Из-под холдера, из вентиляционных отверстий на боках, даже из-под поддона для капель. Он заполнял кухню со скоростью лесного пожара, лез в глаза, в нос, в горло. Я закашлялась, чувствуя, как слезы мгновенно выступили на глазах — то ли от едкого дыма, то ли от ужаса.

Я заорала.

— А-а-а! Твою ж дивизию! Горит! Джульетта, твою мать, прекрати!

Мой идеальный день, мой ритуал, моя красавица-кофемашина — все превращалось в дымящийся кошмар. Я заметалась по кухне, не соображая, что делать. Вода? Нет, вода нельзя, проводка замкнет, меня же убьет током! Я буду стоять в луже воды и дергаться в конвульсиях, как в дурацких американских фильмах ужасов. Огнетушитель? У меня нет огнетушителя! В дорогом дизайнерском ремонте не было предусмотрено место для огнетушителя. Вызвать пожарных? Пока они доедут, пока пробьются через утренние пробки, от квартиры останутся головешки, а от меня — мокрое место на пепелище!

Дым становился гуще. Я закашлялась уже не на шутку, чувствуя, как легкие начинает жечь изнутри. Надо бежать. Надо хватать телефон и бежать, вызывать пожарных уже с

лестницы, пока не задохнулась!

Я метнулась обратно в спальню, поскользнувшись на гладком паркете босыми ногами, чуть не упала, удержалась за косяк. Схватила мобильный с тумбочки — руки дрожали так, что я едва не уронила его — и, не думая ни о чем, кроме спасения собственной шкуры и квартиры, вылетела в коридор, распахнула входную дверь и выскочила на лестничную клетку.

В чем была. В коротком шелковом халате на голое тело. С мокрыми волосами. Босиком. С телефоном в дрожащей руке.

Я неслась так, будто за мной черти гнались, и на полном ходу, вылетев из-за угла, врезалась во что-то твердое. Нет, не во что-то. В кого-то.

В грудь.

В очень твердую, очень широкую, очень мужскую грудь.

От столкновения я пошатнулась, телефон вылетел из руки и с глухим стуком покатился по кафельному полу, я потеряла равновесие, взмахнула руками, как птица с подбитым крылом, и, если бы не мгновенная реакция незнакомца, точно бы шлепнулась на этот холодный кафель. Но его руки — сильные, горячие, стальные — сомкнулись на моих плечах, удерживая меня в вертикальном положении. Пальцы впились в кожу сквозь тонкий шелк, и я почувствовала жар его ладоней, даже не успев ничего сообразить.

Я замерла. Замерла всем телом, даже сердце, кажется,

остановилось на секунду. Подняла глаза.

И перестала дышать.

Передо мной стоял Он.

Высокий. Настолько высокий, что мне, даже без каблуков, приходилось задирать голову, почти запрокидывать ее, чтобы увидеть его лицо. Широкоплечий, с рельефными мышцами, которые угадывались даже под простой белой футболкой — бицепсы туго обтягивали короткие рукава, широченные плечи, казалось, занимали весь дверной проем, из которого он, видимо, только что вышел. Русые волосы слегка взлохмачены, будто он только что ворочал мебель или, наоборот, только встал и провел по ним рукой. Легкая небритость, которая шла ему невероятно — делала его мужественнее, взрослее, опаснее. Темная щетина подчеркивала линию челюсти, тяжелой, волевой, и контрастировала с четко очерченными, почти скульптурными губами.

Но глаза. Боже, его глаза. Темно-карие, почти черные, с такими длинными густыми ресницами, что им позавидовала бы любая девушка, потратившая полжизни на тушь и наращивание. И взгляд — тяжелый, прямой, немигающий. Взгляд человека, который привык оценивать, контролировать, брать. Взгляд хищника, который только что заметил добычу.

Этот взгляд сейчас скользил по мне. Медленно. Обстоятельно. Сверху вниз.

Он начал с моего лица — прошелся по глазам, задержал-

ся на губах, чуть дольше, чем следовало, — потом опустился ниже, на шею, на ключицы, которые халат совершенно не прикрывал. Потом ниже, туда, где халат натянулся на груди, и я вдруг с ужасающей ясностью осознала, что под халатом ничего нет, и соски, от холода и испуга, наверняка стали твердыми и предательски проступают сквозь тонкий шелк.

Я вдруг с ужасающей ясностью осознала, как я выгляжу. Халат, который еще минуту назад казался таким красивым, таким парижским, таким уютным, сейчас наверняка съехал с одного плеча, открывая ключицу, плечо и, кажется, часть груди. Пояс, этот дурацкий шелковый пояс, развязался во время бега и болтался где-то сзади, бесполезный, как зонтик в ураган. Полы халата разошлись, обнажая ноги почти до самого бедра — длинные, бледные после зимы, но, слава богу, гладкие, вчера как раз делала эпиляцию. О, нет. Только не это. Только не перед ним.

Я дернулась, пытаюсь запахнуться, но его руки все еще сжимали мои плечи, не давая двинуться. Он словно не замечал моей попытки — или замечал, но ему было все равно. Он продолжал смотреть.

— Тихо, — сказал он. Голос у него оказался под стать внешности — низкий, глубокий, с легкой хрипотцой. Голос, от которого у нормальных женщин подкашиваются колени. У меня, кажется, тоже подкосились, но я упрямо списала это на последствия пробежки от пожара и выброс адреналина. — Куда бежишь?

Я открыла рот, но вместо слов вырвался только кашель. Дым, я наглоталась дыма, пока выбиралась из квартиры. Я закашлялась, прикрывая рот ладонью, и от этого движения халат сполз еще ниже.

— Там... — прохрипела я, махнув рукой в сторону своей двери, из которой все еще валил дым. Он уже рассеивался, но серые клубы все еще выползали в коридор. — Там кофемашина... Взорвалась... Дымит... Пожар!

Он перевел взгляд на мою дверь, приняхался. На его лице не отразилось ни паники, ни испуга. Только спокойная, уверенная сосредоточенность. Он даже бровью не повел.

— Воду не лила? — спросил он деловито, снова глядя на меня. Голос был ровным, будто он каждый день тушил пожары у полуголых соседок.

— Н-нет, — замотала я головой. Волосы хлестнули по щекам, мокрые пряди прилипли к лицу. — Я знаю, что нельзя. Я дизайнер, у меня образование, я знаю технику безопасности!

— Умница. — Он чуть заметно усмехнулся, и от этой усмешки у меня внутри что-то дрогнуло, сжалось и тут же сладко разжалось где-то внизу живота. — Жди здесь.

Он отпустил мои плечи. Резко, будто они вдруг стали горячими. И шагнул в мою квартиру. Просто шагнул. В дым, в неизвестность, к возможному пожару. Не спросив разрешения, не надев на голову каску, не вызвав МЧС, не спросив даже, есть ли у меня в квартире газ или еще какие-то опас-

ности. Он просто развернулся и вошел, широкоплечий, уверенный, невозможный.

Я осталась стоять на лестнице, хватая ртом воздух и пытаясь осознать, что только что произошло. Телефон валялся на полу метрах в двух. Я подобрала его дрожащими руками. Посмотрела на дверь, из которой все еще сочился дым. Послушала. Тишина. Потом какой-то звук, шаги, потом скрип открываемого на кухне окна. Дым из квартиры повалил активнее, а потом начал рассеиваться, утягиваемый сквозняком.

Прошло, наверное, минуты две, которые показались вечностью. Я переминалась с ноги на ногу на холодном кафеле, кутаясь в халат, который теперь уже завязала узлом на поясе так крепко, будто собиралась идти в нем в полярную экспедицию.

Наконец он вышел. В руках у него была моя Джульетта — мертвая, все еще дымящаяся, но уже не искрящая. Он нес ее, как несут убитого зверя — за шкуру, одной рукой, легко, будто она весила не двадцать килограмм, а пустую картонную коробку. Он поставил ее на пол у порога, выпрямился во весь свой немереный рост, отряхнул руки (будто они испачкались) и посмотрел на меня.

— Жива, — констатировал он. Не спросил, а констатировал, как врач после осмотра. — И квартира целая. Проводка сгорела, но розетку не замкнуло, автомат сработал вовремя. Выкидывай эту рухлядь.

— Рухлядь? — возмущение затмило на секунду даже страх, даже стыд, даже адреналиновую дрожь. — Это итальянская кофемашина премиум-класса! Это Della Corte! Она стояла как подержанный автомобиль! Я ее полгода выбирала!

Он усмехнулся. Усмешка вышла ленивой, снисходительной и почему-то снова заставила мое сердце пропустить удар. Он смотрел на меня, на мою Джульетту, валяющуюся у порога, как на надоедливую муху.

— Итальянская, говоришь? — он кивнул на агрегат. — Видел я эту итальянскую сборку. Красивые, да. Дизайн — огонь. Но мозгов нет. Перегрелась, проводка слабая, контакты окислились. Техника должна быть надежной, а не красивой. Как женщина.

Он снова посмотрел на меня. В этот раз взгляд задержался дольше, чем следовало. Он скользнул по моим мокрым волосам, по лицу, по шее, по халату, который я держала мертвой хваткой. Я вдруг остро ощутила, что стою перед ним почти голая, с мокрыми волосами, босиком на холодном полу, и дрожу. Меня колотила мелкая дрожь. То ли от холода, то ли от адреналина, то ли от его взгляда.

Он, кажется, только сейчас заметил, в каком я виде. В его глазах мелькнуло что-то — интерес? Жар? Одобрение? — и он, сделав над собой видимое усилие, деликатно отвел взгляд, уставившись куда-то в стену за моей спиной. Но я успела заметить, как дернулся кадык на его мощной шее, ко-

гда он сглотнул.

— Ты бы... это... — он кашлянул, прочищая горло. — Халат поправь. Простынешь.

Я опустила глаза и чуть не застонала от стыда. Халат и правда распахнулся почти полностью. Видимо, пока я тряслась и переминалась с ноги на ногу, узел, которым я его завязала, ослаб. Одна пола свисала, открывая бедро почти до самого верха, вторая держалась на честном слове на плече. Я стояла перед ним, как живая иллюстрация к мужскому журналу, в шелковых лохмотьях, с мокрыми волосами и пылающими щеками.

Я дернулась, запахнулась, замоталась, завязалась на три узла, чувствуя, как краска заливает щеки, шею, грудь, спускается ниже. Я горела ярче, чем моя злополучная кофемашина. Казалось, от меня сейчас пойдет пар.

— Спасибо, — выдавила я, глядя в пол на его огромные кроссовки. — Ты... вы... спасибо большое. Если бы не вы... Я даже не знаю, что бы я делала. Спасибо.

— Дамир, — перебил он. — Меня зовут Дамир. Без вы.

— Дамир, — повторила я, поднимая глаза. Встретилась с ним взглядом и чуть не утонула. — Я Алиса.

— Знаю. — Он чуть заметно кивнул. — На двери табличка с фамилией. — Он кивнул на мою дверь, где действительно висела аккуратная латунная табличка, заказанная мной у знакомого гравера. — Алиса Соболева. Красиво. И фамилия красивая, и имя.

Я моргнула. Он что, успел запомнить мою фамилию? Пока тушил пожар и выносил труп моей кофемашины? Или он ее раньше заметил? И зачем он вообще смотрел на мою дверь?

— Ты новый сосед? — спросила я, хотя ответ был очевиден. Я никогда не видела его раньше, а в нашем подъезде все друг друга знали хотя бы в лицо. Подъезд старый, маленький, всего по четыре квартиры на этаже.

— Вчера въехал, — подтвердил он. — В двадцать пятую. Двадцать пятая квартира. Через стенку от моей. Мы будем соседями. Буквально через стенку. Я буду спать за стеной от него. Принимать душ. Ходить по квартире в халате. Думать о нем.

Эта мысль почему-то отозвалась во мне горячей, почти болезненной волной где-то внизу живота. Я почувствовала, как жар приливает к щекам с новой силой.

— Еще раз спасибо, — сказала я, чувствуя, что надо что-то делать, куда-то идти, а не стоять здесь, пялиться на него и таять под этим тяжелым, жарким взглядом. — Я пойду, наверное. Приберусь. Дым везде, наверное, гарью воняет...

— Давай помогу, — предложил он просто. Без нажима, без заигрывания, просто как факт. Как будто это было само собой разумеющееся. — У тебя там окна наверняка открыты, но проветрить надо. Да и розетку проверить, не оплавилась ли, не нагрелось ли что. А то мало ли.

Я должна была отказаться. Должна была сказать «спасибо,

большое спасибо, я сама, ты и так уже герой», закрыться в квартире, упасть лицом в подушку и переживать этот позор до конца жизни. Должна была, но не сказала.

— Если тебе не сложно... — выдохнула я, ненавидя себя за эту слабость и обожая себя за нее одновременно.

— Не сложно.

Он подхватил с пола мертвую Джульетту — легко, играючи, как пушинку — и шагнул в мою квартиру. Я пошла за ним, чувствуя, как его запах — свежий, дорогой парфюм с нотами дерева, бергамота и чего-то пряного, мужского, пьянящего — врывается в мое обоняние, смешиваясь с запахом гари и горелого пластика.

Господи, что со мной происходит? У меня только что чуть квартира не сгорела, я стою в халате нараспашку перед незнакомым мужиком, а мои гормоны устроили дискотеку с мыльными пузырями, фейерверками и шампанским? Со всем с ума сошла? Мне тридцать два года, я серьезный дизайнер, у меня были отношения, были мужчины, я не школьница, чтобы терять голову от первого попавшегося красавчика с широкими плечами.

Но когда я смотрела на его широкую спину, на то, как обтягивающая белая футболка подчеркивает каждое движение мышц под кожей, на то, как перекатываются лопатки, когда он несет мою мертвую кофемашину, на его уверенную походку хозяина жизни, я понимала — не сошла. Просто встретила того, от кого любая сойдет. От кого нормально, пра-

вильно, естественно сходить с ума.

Дамир поставил Джульетту на пол у входа, в прихожей, прошел на кухню, огляделся. Я стояла в дверях, вжавшись в косяк, кутаясь в халат, и чувствовала себя полной дурой. На кухне было светло, солнечно, открытое окно тянуло сквозняком, запах гари уже почти выветрился, смешиваясь с утренней свежестью.

— Красиво у тебя, — сказал он неожиданно. Голос прозвучал в тишине негромко, но отчетливо. Он оглядывал кухню — мой любимый фартук из мраморной мозаики, подвесные светильники из матового стекла, живые растения на подоконнике в керамических горшках ручной работы. — Сама делала?

— Я дизайнер, — ответила я хрипло. Голос все еще не слушался после дыма и волнения. — Интерьеров.

— Видно. — Он обернулся и посмотрел на меня. Взгляд снова задержался дольше необходимого. — Вкус есть. Чувствуется рука профессионала. Каждая деталь на своем месте.

У меня снова пересохло во рту. Комплимент от такого мужчины... Это было приятно. Очень приятно.

— Я кофе хотела сварить, — ляпнула я первое, что пришло в голову, чтобы заполнить тишину, которая вдруг стала слишком напряженной. — Утром. Проснулась, такое настроение, решила сделать себе идеальный кофе, а она...

— А она решила, что пора знакомиться с соседями, — закончил он с усмешкой. — Экстремально, зато эффективно.

Я бы сам не решился к тебе подойти. А тут такой повод.

Я не сдержала улыбку. Напряжение чуть отпустило.

— Обычно я знакомлюсь менее дымно. И более одетой.

— Жаль, — он приподнял бровь, и в глазах сверкнули веселые чертики. — Дымно тебе идет. Очень даже идет.

Это было сказано таким тоном, таким взглядом, что я почувствовала, как жар приливает к щекам с новой силой. Он флиртовал. Он откровенно, в открытую, нагло и беспардонно флиртовал со мной, пока я стояла в халате на голое тело в собственной прокуренной кухне, с мокрыми волосами и пылающим лицом.

И мне это нравилось. Боже, как мне это нравилось. До мурашек по коже, до слабости в коленях, до горячей пульсации между ног.

Дамир подошел к розетке, той самой, где минуту назад полыхала моя Джульетта. Он наклонился, осмотрел ее внимательно, профессионально, пошевелил пальцами, проверяя, не оплавлена ли, не нагрелась ли стена вокруг. Я смотрела на то, как обтягивают его джинсы ягодицы, и понимала, что еще немного — и я просто упаду в обморок от переизбытка эмоций.

— Нормально, — резюмировал он, выпрямляясь. — Повезло. Если бы автомат не вырубил вовремя, могло хуже быть. Проводка бы загорелась, стена... Хорошо, что ты не растерялась и водой не залила.

— Ты вырубил, — напомнила я. — Ты пришел и вырубил

автомат. Ты спас мою квартиру.

— Я просто вилку выдернул и рубильник щелкнул, — он пожал плечами, будто это было делом пяти секунд. — Не геройство. Любой бы так сделал.

— Не любой, — тихо сказала я. — Любой побоялся бы в дым лезть. Любой вызвал бы МЧС и ждал. А ты пошел. Для меня это геройство.

Он замер на секунду, потом обернулся. Мы стояли слишком близко. На кухне было тесно, окно открыто, сквозняк трепал мои влажные волосы и его темные пряди. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах я видела что-то такое, от чего у меня подгибались колени и перехватывало дыхание.

Не просто интерес. Не просто флирт. Голод. Чистый, неприкрытый, мужской голод. Желание. Он смотрел на меня, как волк на лань, и это было одновременно пугающе и безумно возбуждающе.

— Слушай, Алиса, — его голос стал ниже, хриплее, почти интимным. — Я, конечно, могу еще постоять тут, посмотреть, как ты краснеешь. Это очень приятное зрелище, честно скажу. Я мог бы стоять тут и смотреть на тебя вечность. Но дым воняет, гарью несет, и тебе, наверное, надо в душ и одеться по-человечески. А то простудишься еще.

— Да, — выдохнула я, чувствуя, что он прав, но совершенно не в силах пошевелиться. Ноги стали ватными, голова кружилась. — Надо. Точно. Надо.

— Иди, — он мягко, почти невесомо коснулся моего пле-

ча, подталкивая к выходу с кухни. От этого прикосновения по коже побежали мурашки, а внизу живота все сжалось в тугую узел. — Я закрою окна и уйду. А ты... приходи в себя. Дыши. Расслабься. Все уже позади.

Я кивнула, позволив себя развернуть. Сделала шаг, другой. У двери в ванную обернулась. Он стоял на кухне, спиной ко мне, поправлял штору, которую сдуло сквозняком. Широкая спина, сильные руки, длинные ноги. Мужчина. Настоящий, живой, горячий, опасный мужчина. Мужчина, от которого пахло деревом и цитрусом и который только что вошел в мою жизнь, как торнадо входит в мирный городок.

— Дамир, — позвала я.

Он обернулся. Медленно, плавно. В полумраке коридора его глаза блеснули, как у кота.

— Спасибо тебе. За все. Правда.

Он улыбнулся. Впервые по-настоящему — не усмешка, не ленивая кривая ухмылка, а улыбка, открытая, теплая, почти нежная. И от этой улыбки у меня сердце пропустило удар.

— Обращайся, Алиса. — Он чуть наклонил голову. — Я теперь рядом. За стеной.

Я закрылась в ванной, прислонилась лбом к прохладному кафелю и выдохнула. Длинно, шумно, с дрожью. Сердце колотилось где-то в горле, пульс стучал в висках, в ушах. Руки дрожали так, что я не смогла бы сейчас удержать даже чашку с тем самым идеальным кофе. Между ног пульсировало тепло, настойчивое и требовательное.

Я подняла глаза на свое отражение в огромном зеркале над раковиной. Оттуда на меня смотрела растрепанная, взлохмаченная девица с огромными глазами, расширенными зрачками, влажными волосами, которые разметались по плечам дикими змеями, и пылающими щеками. Губы припухли, словно я их только что целовала. Девица, которую только что спас красавчик-сосед, и которая теперь мечтала только об одном — чтобы он снова ее спас. Чтобы он спас ее от одиночества. От скуки. От самой себя.

Я включила холодную воду и сунула голову под струю, прямо в халате, не снимая. Ледяная вода обожгла кожу, стекла по шее за шиворот, но не помогло. Перед глазами все равно стоял он. Его глаза. Его улыбка. Его голос. Его руки на моих плечах. Его запах.

Вот черт. Кажется, утро, которое обещало быть идеальным, только что получило статус судьбоносного. И виновата в этом была не кофемашина. Виноват был сосед. Сосед, который теперь живет за стеной.

Сосед, который только что вошел в мою жизнь без стука. И, кажется, не собирался уходить.

Я выключила воду, прислушалась. В квартире было тихо. Он ушел. Закрыв окна и ушел, как обещал.

Я выдохнула. И тут же поймала себя на мысли, что жду завтрашнего дня. Жду с нетерпением, с волнением, с трепетом. Вдруг у меня снова что-нибудь сломается? Вдруг ему снова понадобится меня спасти?

Улыбнувшись своему отражению в запотевшем зеркале, я решила, что это не такая уж плохая идея.

Пусть ломается. Пусть хоть все горит синим пламенем. Потому что если за это можно получить еще один такой взгляд, еще одно такое прикосновение, еще одну такую улыбку — я готова поджечь свою квартиру собственноручно.

В конце концов, искра уже проскочила.

Осталось только раздуть пламя.

Глава 2. Инструменты и напряжение

Я стояла под душем, наверное, целую вечность. Минут двадцать, а может, и все сорок — я потеряла счет времени. Горячая вода хлестала по лицу, по плечам, по груди, обжигала кожу, но не могла прогреть меня изнутри. Там, внутри, под ребрами, поселился ледяной ком ужаса пополам с таким же ледяным восторгом.

Я терла кожу мочалкой до красноты, втирала гель с запахом ванили и миндаля, пытаюсь перебить въедливый запах гари, которым пропитались волосы, халат, шторы и, кажется, сама моя суть. Но гарь — это ерунда. Гораздо глубже, в подкорку, въелся ОН. Образ Дамира.

Я закрывала глаза, и вода превращалась в его руки. Вот они смыкаются у меня на плечах, разворачивают к себе. Вот его взгляд скользит по мокрому после душа халату, прилипшему к телу. Вот его усмешка — кривая, понимающая, мужская.

Безнадежно. Я пропала. Совершенно, тотально, бесповоротно пропала.

Выкрутив вентиль до упора, я долго стояла в тишине, слушая, как капли срываются с моего тела на кафельный пол. Перед глазами плыло. Я провела ладонью по запотевшему

зеркалу, оставляя мокрую дорожку, и уставилась на свое отражение.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка. Растрепанные, мокрые волосы темными змеями облепили шею и плечи. Глаза — огромные, темные, с расширенными зрачками, с припухшими от пережитого стресса веками. Губы припухли и покраснели — кажется, я искусила их, пока думала о нем. Я выглядела... Выглядела я, честно говоря, как после бурной, бессонной ночи любви. Растрепанная, разморенная, с поволокой в глазах. Только ночи не было. Был он. Всего несколько минут на лестничной клетке, а эффект — как от многочасового марафона в постели.

Я завязала волосы в небрежный, влажный пучок на затылке. Несколько мокрых прядей выбились и тут же прилипли к вискам и шее. Затем я открыла шкафчик и достала чистое белье. Кружевное, черное, то самое, которое покупала в Париже в маленьком бутике и ни разу не надевала — берегла для особого случая. Видимо, случай настал. Я надела его, чувствуя, как прохладное кружево касается разгоряченной после душа кожи. Зачем? Потому что почему бы и нет? Потому что внутри меня поселился бесенок, который требовал дерзости.

Сверху я накинула тот самый злосчастный халат. Другого не было, а идти в спальню за одеждой, зная, что он сидит на моей кухне, я не решилась. Вдруг подумает, что я наряжаюсь? Прихорашиваюсь специально для него?

Хотя, если быть честной с собой до конца — именно для него я и прихорашивалась. И белье надела для него. И губы прикусывала, чтобы они стали ярче, для него. Только признаться в этом даже мысленно было страшно.

Я вышла из ванной и замерла, прислушиваясь. Тишина. Ни звука. Сердце дернулось и рухнуло куда-то вниз, в пятки. Неужели ушел? Не попрощался? Не дождался, пока я выйду? Но в следующую секунду я услышала шаги. Тяжелые, уверенные, мужские. На кухне. Он остался.

Я выдохнула. Глубоко вздохнула, пытаюсь унять дрожь в коленях. Поправила халат — завязала пояс на тугий узел, запахнула полы так плотно, что они затрещали по швам, прикрыла ключицы, которые предательски выглядывали из выреза. Теперь я похожа на монашку. Ну, почти. Мокрые пряди и босые ноги выдавали меня с головой.

Я шагнула на кухню.

Он стоял у столешницы, широкоплечий, высокий, и сосредоточенно рассматривал розетку, которую только что вскрыл. Рядом на столе аккуратным рядком лежали инструменты — отвертки с разными наконечниками, тестер с горящим огоньком, какие-то плоскогубцы. Откуда он все это взял? Неужели сбегал к себе в квартиру, пока я мылась? Представляю эту картину: он спокойно заходит к себе, берет ящик, возвращается и продолжает работать, пока я там стою под душем и схожу с ума.

— Как успехи? — спросила я и чуть не зажмурилась от

собственного голоса. Вместо уверенного контральто, на которое я рассчитывала, получился какой-то хриплый, сдавленный шепот с дурацкими девичьими нотками.

Дамир обернулся.

И снова этот взгляд. Медленный, обволакивающий, оценивающий. Он не просто смотрел — он сканировал. Прошелся от моих влажных волос, собранных в пучок, по шее, задержался на ключицах, которые халат все-таки не прикрывал. Спустился ниже, к груди, к талии, к бедрам, к босым ступням, которые я нервно поджимала, вжимая пальцы в прохладный пол.

Я поджала пальцы еще сильнее. И тут же, с ужасом, осознала: ногти на ногах не покрашены! Боже, Алиса, ты серьезно? Мужчина, от которого у тебя подкашиваются колени, смотрит на тебя, а ты переживаешь из-за лака на ногтях?

Он, кажется, заметил мое смущение. Уголки его губ дрогнули.

— Почти закончил, — ответил он. Голос — низкий, спокойный, с хрипотцой, от которой по позвоночнику пробежал разряд тока. — Проводка целая, к счастью. Но розетку я заменил. Старая была, советская, латунь уже окислилась. С такой дружба до пожара — один шаг.

— Ты еще и розетки меняешь? — вырвалось у меня искреннее удивление. — Прямо мастер на все руки. Сантехнику тоже чинишь? Краны паяешь?

— Я владелец сети автосервисов, — усмехнулся он, отво-

рачиваясь обратно к стене и ловко закручивая какие-то винты. — Там с техникой общаешься каждый день, по несколько часов. Машины, проводка, электрика, даже диагностика двигателя — всё одно и то же, только масштаб другой. Руки помнят.

Автосервисы. Сеть. Владелец. Боже мой, он еще и успешный. Это уже просто издевательство. Мужчина, который умеет все своими руками, который красив, как греческий бог, и при этом богат? Так не бывает. Это какой-то розыгрыш, скрытая камера.

Я смотрела на его руки. Он крутил отвертку, и я не могла оторваться. Пальцы — длинные, сильные, с аккуратными ногтями и легкими темными следами то ли машинного масла, то ли просто времени, проведенного за работой. На запястье блестели часы — дорогие, стильные, строгие, не вычурные, а именно такие, какие носят уверенные в себе мужчины. На предплечье, чуть выше края закатанного рукава темно-синей рубашки, виднелся край татуировки. Я не видела, что именно — какой-то сложный узор, может быть, часть крыла или абстракция. Но это добавляло ему еще больше опасного, диковатого шарма.

Он двигался абсолютно уверенно. Ни одного лишнего движения, ни одной заминки. Каждый жест был точным, выверенным, экономным. Такими руками можно не только розетки чинить и машины ремонтировать. Такими руками можно касаться женщины. Такими руками можно...

Я тряхнула головой, прогоняя картинки одна другой неприличнее.

— Слушай, — ляпнула я первое, что пришло в голову, лишь бы нарушить тишину, которая звенела между нами. — Ты кофе будешь? Я, конечно, без своей убитой итальянской дуры, но у меня есть турка и отличные зерна. Я умею варить нормальный кофе. По-восточному, с пенкой. Без дыма, обещаю.

Он обернулся. Приподнял одну бровь. Усмешка стала шире.

— Кофе? После того, что здесь случилось? Не боишься снова пожар устроить? Я, конечно, мастер на все руки, но два пожара за утро — это даже для меня перебор.

— Я буду очень осторожна, — улыбнулась я, чувствуя, как от его поддразнивания уходит напряжение. — И потом, ты же здесь. Рядом. Если что — сразу потушишь.

Он посмотрел на меня долгим, очень долгим взглядом. Так долгим, что я мгновенно пожалела о своих словах. Потому что в его глазах, в их темной глубине, я ясно, как в учебнике, прочитала ответ: «Я могу потушить не только пожар на кухне, детка. И тушить я буду совсем другим способом».

— Давай, — кивнул он наконец, и его голос сел еще на пол-октавы. — Кофе — это хорошо.

Я отвернулась к плите, спиной чувствуя его взгляд. Буквально кожей, каждым сантиметром спины, лопатками, поясницей. Я горела под этим взглядом. Мне казалось, что ха-

лат сейчас просто вспыхнет, как сухая трава. Достала турку, банку с зернами, ручную кофемолку. Руки предательски дрожали, и я молилась всем богам, чтобы он этого не заметил.

— Ты всегда так завтракаешь? — спросил он из-за спины. Голос звучал лениво, но я чувствовала в нем скрытую усмешку. — С экстримом, пожарами и полуголыми соседками?

— Только по вторникам, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал легко и беззаботно. Получилось довольно хрипло. — В остальные дни я просто пью кофе в одиночестве. Без спецэффектов.

— А сегодня вторник, — протянул он. — Повезло же мне. Я обернулась. Он стоял ко мне вполоборота, убирая инструменты в кожаный ящик. Барсетка — стильная, дорогая, из мягкой телячьей кожи. Мужчина, который умеет всё. Чинить розетки, управлять бизнесом, одеваться со вкусом и смотреть так, что плавится не только воск, но и сталь.

— Это тебе повезло, — сказала я, и сама не ожидала от себя такой дерзости. — Бесплатное шоу с утра пораньше. Да еще и кофе в нагрузку.

Он замер. Медленно, очень медленно обернулся. В его глазах вспыхнул огонь — темный, опасный, завораживающий.

— Шоу было отличное, — сказал он тихо, почти шепотом, но каждое слово врезалось мне прямо в мозг. — Особенно

главная героиня.

Я поняла, что краснею. Краска стыда и возбуждения залила щеки, шею, уши, грудь. Щеки горели так, будто я не кофе варю, а сижу в парилке. Отвернулась, делая вид, что безумно занята помолом кофе. Зерна хрустели под жерновами, но этот звук не мог заглушить бешеный стук моего сердца.

— Ты всегда такой... прямой? — спросила я, обращаясь к турке, потому что смотреть на него сейчас было смерти подобно.

— А ты всегда такая... — он сделал паузу, и я кожей чувствовала, как он подбирает слово. Я замерла в ожидании приговора. — ...восхитительно неловкая?

Я фыркнула. Обернулась, забыв про кофе.

— Я не неловкая! Я... я просто... Утро тяжелое!

— А, ну да, — он кивнул с самым серьезным видом, но в глазах плясали бесенята. — Кофемашина взорвалась, дым, гарь, сосед ворвался в квартиру в трусах и майке. Сущий кошмар для любой леди.

— Ты не ворвался, — поправила я, чувствуя, как на губы просится улыбка. — Ты спас. Есть разница.

— Значит, я спаситель, — он улыбнулся. Широко, открыто, и от этой улыбки у меня реально подкосились колени. Пришлось опереться рукой о столешницу. — Мне нравится. Спаситель Алисы. Звучит гордо.

Турка на плите зашипела, кофе пошел высокой шапкой, норовя сбежать. Я метнулась к плите, сняла турку с огня,

разлила густую, ароматную темную жидкость по двум чашкам. Одну протянула ему.

Наши пальцы снова соприкоснулись.

Искра. Самая настоящая, физическая, видимая искра проскочила между нами. Я вздрогнула так сильно, что чашка дрогнула в руке, и несколько капель горячего кофе пролились мне на халат. Прямо на грудь.

— Ай! — вскрикнула я скорее от неожиданности, чем от боли — кофе был уже не кипяток, но все еще очень горячий.

Я уставилась на расплывающееся мокрое пятно на нежно-голубом шелке. Прямо над левой грудью. Ткань мгновенно намокла, прилипла к телу, и, о ужас, проступил сосок. Который, предатель, тут же сжался и затвердел от контраста горячего кофе и прохладного воздуха кухни.

Я подняла глаза.

Дамир смотрел.

Он даже не делал вид, что смотрит куда-то в сторону. Он смотрел прямо. На мое мокрое пятно. На то, как шелк обрисовал мою грудь. На сосок, который теперь было невозможно не заметить. Смотрел с таким откровенным, неприкрытым, жадным мужским интересом, что мне стало жарко. Нет, не жарко — горячо. Плавно. Адски.

Его взгляд жег меня сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь все мыслимые преграды. Он не просто смотрел — он пожирал глазами это место. И в его глазах было такое голодное, такое дикое, такое первобытное, что у меня перехватило дыхание

и свело низ живота.

— Осторожнее, — сказал он. Голос сел окончательно, превратился в низкий, вибрирующий, почти рычащий баритон. — Обожжешься.

— Я... сейчас... — выдохнула я, судорожно хватая ртом воздух. — Сейчас уберу.

Я схватила со стола салфетку и принялась лихорадочно промокать халат. Глупая, безнадежная затея. Шелк намок, и мои суетливые движения только привлекали еще больше внимания к тому месту, которое и так уже привлекло катастрофически много внимания. Я терла салфеткой по груди, и ткань халата терлась по соску, и это было... это было невыносимо.

Дамир смотрел, как мои руки касаются меня сквозь мокрый шелк. Смотрел, как движется салфетка, обводя контуры. Смотрел так, будто видел меня насквозь. Будто точно знал, что под этим тонким халатом на мне сейчас кружевное белье, которое я надела специально для него.

— Алиса, — позвал он. Голос резанул тишину, как нож.

Я замерла. Рука с салфеткой застыла на груди. Я подняла на него глаза.

— Дай сюда.

Он не спрашивал. Он утверждал. И я, как замороженная, отдала ему салфетку.

Он взял ее и сам, медленно, очень медленно, промокнул оставшуюся влагу на моей груди. Его пальцы — те самые,

сильные, уверенные, в которых еще минуту назад была от-
вертка — касались шелка. А через шелк касались меня. Лег-
ко, почти невесомо, едва ощутимо, но я чувствовала каждое
прикосновение. Каждую фалангу. Каждую линию на его ко-
же. Каждую пору.

Я перестала дышать.

Кухня исчезла. Запах свежесваренного кофе исчез. Звуки
улицы за окном исчезли. Остались только его глаза — тем-
ные, бездонные, с расширенными зрачками, в которых по-
лыхало пламя. И его пальцы на моей груди.

— Так лучше, — сказал он, убирая руку. Его голос звучал
глухо, сдавленно. — Но халат придется стирать.

Я сглотнула. В горле пересохло так, что язык прилип к
небу.

— У меня есть другие, — прошептала я.

— Жаль, — он чуть заметно улыбнулся. Только уголками
губ, но в этой улыбке было столько... столько всего. — Этот
мне нравился.

Он отдал мне мятую салфетку и отвернулся к столу, де-
лая вид, что допивает кофе. А я стояла, пытаюсь восстано-
вить дыхание, и чувствовала, как пульсирует кровь в висках,
в кончиках пальцев, внизу живота. Там, между ног, разлива-
лось тяжелое, тягучее тепло, настойчивое и требовательное.

Боже. Что это было? Что, черт возьми, между нами про-
исходит? Мы знакомы от силы полчаса, а я уже готова...

Я не договорила даже мысленно. Потому что то, что я бы-

ла готова сделать с ним и позволить ему сделать со мной, было слишком откровенно даже для моих собственных самых смелых фантазий.

— Кофе вкусный, — сказал Дамир, ставя пустую чашку на стол. — Спасибо. Давно такого не пил.

— Не за что, — мой голос прозвучал как у прыщавого подростка — тонко, пискляво и испуганно.

Он обернулся. Взял свой кожаный ящик с инструментами.

— Я пойду, наверное. У тебя тут всё в порядке теперь. Розетка новая, проводка целая. Кофе есть. Живи спокойно.

— Спасибо, — сказала я. — Правда. Ты меня спас. Дважды.

— Сочтемся, — усмехнулся он, направляясь к выходу.

Я пошла за ним. Проводить. Это же элементарная вежливость — проводить спасителя до двери. Или просто невероятное желание продлить эти минуты, каждую секунду, проведенную рядом с ним.

В прихожей он остановился. Повернулся ко мне. Мы снова оказались слишком близко. Расстояние — сантиметров двадцать, не больше. Я снова чувствовала его запах. Дорогой парфюм, смешанный с запахом свежесваренного кофе, с легким, едва уловимым ароматом мужского пота и еще чем-то... чем-то родным, теплым, древесным.

— Алиса, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Ты это... Будь осторожнее. Ладно? А то я не всегда могу оказаться рядом.

— А если я не хочу быть осторожной? — выпалила я, глядя ему в глаза. И сама испугалась собственной смелости.

В его глазах вспыхнуло что-то. То, от чего у меня подогнулись колени. Темное, опасное, завораживающее.

— Тогда, — он шагнул ко мне, сокращая расстояние до считанных миллиметров, — тогда нам обоим придется туго.

Его рука легла на дверную ручку. Он мог уйти. Должен был уйти. У него были все причины уйти. Но он стоял и смотрел на меня сверху вниз, и я видела, как поднимается и опускается его широкая грудь, как напряжены жилы на шее, как пульсирует жилка на виске.

— Почему туго? — спросила я. Шепотом. Еле слышно.

— Потому что если я останусь, — его голос упал до самой низкой, вибрационной ноты, — я не поручусь за последствия. Совсем.

Я смотрела в его глаза. В их темную, манящую бездну. И понимала, что последствий хочу. Хочу так сильно, что готова умолять его остаться. Хочу, чтобы он остался. Чтобы его руки снова коснулись меня. Чтобы эти пальцы, которые только что держали отвертку и салфетку, коснулись уже не халата, а моей голой кожи.

Он, видимо, прочитал всё это в моих глазах. Потому что усмехнулся — криво, горько, как человек, который заставляет себя отказаться от того, чего хочет больше всего на свете.

— Не сегодня, Алиса, — сказал он твердо. — Ты еще не пришла в себя после этого кошмара. А я не хочу быть тем

мудакон, который пользуется женской паникой, благодарностью и слабостью.

— Это не благодарность, — выдохнула я, качая головой.

— А что? — он приподнял бровь. В глазах заплясали чертики.

Я не нашлась, что ответить. Потому что правда была слишком откровенной. Я хотела его. Просто хотела. С первой же секунды, как врезалась носом в его твердую грудь на лестнице.

Он, видимо, всё понял без слов.

— Завтра, — сказал он. — Завтра в это же время. Я зайду проверить, как там моя работа. И мы поговорим. Хорошо?

Я кивнула. Молча. Потому что голос окончательно пропал.

— Хорошо.

Он открыл дверь, шагнул на лестничную клетку, обернулся на пороге. Свет из моей прихожей падал на него сзади, создавая ореол вокруг головы и плеч.

— И надень что-нибудь попрочнее этого халата, — усмехнулся он напоследок. — А то я опять инструменты рассыплю. Или еще что похуже.

Дверь закрылась. Щелкнул замок. Я осталась стоять в прихожей, прижимая ладони к пылающим щекам, и чувствовала, как широченная, дурацкая, счастливая улыбка расплывается по лицу.

Завтра. Он придет завтра.

Я заперла дверь на все замки. Прислонилась к ней спиной, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Потом прошла на кухню, машинально убрала чашки в раковину, протерла стол. Пальцы все еще помнили его прикосновения. Грудь горела там, где он касался салфеткой. Между ног пульсировало тепло — настойчивое, влажное, требующее выхода.

Я посмотрела на часы. Половина десятого утра. До завтрашнего утра еще двадцать три часа и пятьдесят семь минут.

Как я это переживу? Как я доживу до завтра, зная, что он придет?

Я подошла к окну, распахнула его настежь, впуская свежий, прохладный воздух. За стеной было тихо. Ни звука, ни шагов. Он, наверное, тоже стоит сейчас у себя на кухне, пьет воду или кофе и думает о том же, о чем думаю я.

— Дамир, — прошептала я одними губами в пустоту. — Кто же ты такой?

Ответа не было. Только билось сердце где-то в горле. Только гудело напряжение в каждой клетке тела. Только предвкушение пульсировало в кончиках пальцев.

Завтра. Завтра я узнаю.

А пока — надо как-то пережить эту ночь. Эту долгую, бесконечную ночь, в которой я буду ворочаться в постели и вспоминать его руки, его глаза, его голос, его усмешку. В которой я буду снова и снова прокручивать в голове каждую секунду сегодняшнего утра. В которой мои руки будут сжи-

маться в кулаки от желания, а тело — выгибаться навстречу пустоте.

Ночь, в которой я впервые за долгое, очень долгое время не буду одна.

Потому что он остался со мной. В моих мыслях. В моих фантазиях. В моем теле, которое наконец-то проснулось после долгой спячки и требовало одного — его.

Я закрыла окно, погасила свет и пошла в спальню. Завтра будет очень долгий день. И, кажется, очень жаркая ночь после него.

Глава 3. Ремонт окончен. Или только начинается?

Я не спала почти всю ночь. Совесть моя, если честно, спала крепче меня — ей было всё равно на мои метания. Я же просто лежала в коконе из сбитых простыней и пыталась приказать своему организму отключиться. Но тело отказывалось слушаться. Я ворочалась с боку на бок, пинала ни в чем не повинную подушку, которая за какие-то сутки из любимого друга превратилась в бесформенный комок ваты и неудобства. Я закрывала глаза — и перед внутренним взором тут же возникал он. Я открывала глаза, таращилась в темноту потолка — и мысли снова сворачивали на него.

Я перепробовала всё, что советуют в женских журналах: считала овец (они почему-то были с его глазами), представляла доску визуализации (и на ней почему-то вместо карточек с мечтой был только он, чинящий розетку), пыталась дышать по системе «4-7-8» для релаксации. Бесполезно. Абсолютно.

Он был везде. Он пропитал собой воздух в спальне, он поселился под моими веками.

Я снова и снова прокручивала вчерашний вечер, как заезженную плёнку. Его глаза — темные, глубокие, с этой дьявольской хитринкой, от которой у меня внутри всё перево-

рачивалось. Его руки — сильные, с длинными, уверенными пальцами, которые так ловко орудовали отверткой, а потом так бережно касались меня. Его голос — низкий, с лёгкой, сводящей с ума хрипотцой, от которой по коже бежал табун мурашек, а внизу живота возникал тугой, сладкий узел.

И тот момент с салфеткой... Боже мой. Я трогала себя там, где несколько часов назад касался он, и чувствовала, как тело откликается мгновенно, будто его пальцы всё еще на мне. Будто та тонкая ткань халата — не преграда, а проводник его тепла. Я зарывалась лицом в подушку, чтобы застонать, и снова думала о нем.

К утру, когда за окном начало сереть, я выползла в ванную и уставилась на себя в зеркало. Зрелище было жуткое. Я выглядела как панда, пережившая химическую атаку. Темные круги залегли под глазами синевой, кожа приобрела нездоровый бледный оттенок, а во взгляде застыло выражение затравленного зверька, которого загнали в угол собственные гормоны. Я простонала, глядя на это жалкое создание:

— Алиса, ты дура. Полная и абсолютная дура. Ты влюбилась в соседа, как героиня дешевого бульварного романа.

Но где-то глубоко внутри, в самом центре существа, внизу живота, не утихала пульсация предвкушения. Вчера он сказал: «Завтра». «Завтра в это же время». И это «завтра» наступило.

Я приняла душ. Мылась дольше обычного, смакуя горячую воду, которая немного расслабляла забитые мышцы. По-

том наступил самый ответственный момент: выбор белья. Я перерыла весь комод. Что-то откровенно порочное отменяла сразу — слишком вызывающе. Безразмерный бабушкин халат даже не рассматривала. В итоге остановилась на комплекте цвета слоновой кости. Нежное кружево, не слишком откровенное, но и отнюдь не монашеское. Такое, которое чувствуешь кожей и которое приятно удивит, если дело дойдет до... Нет, не загадываю.

Я сушила волосы феном в два раза дольше, стараясь уложить их так, чтобы это выглядело чертовски естественно, но при этом сексуально. Волосок к волоску. Потом надела простое летнее платье — легкое, короткое, цвета топленого молока, с открытыми плечами, которые я то ли хотела ему показать, то ли нет. Сегодня я буду одета. Сегодня, в отличие от вчерашнего вечера, я буду выглядеть собранной. Сегодня я буду контролировать ситуацию.

Кого я обманывала?

Вот уже в восемь утра я сидела на кухне, как привязанная. Налила себе огромную кружку чая — кофе пить было страшно до дрожи. А вдруг история повторится? Вдруг меня снова накроет паника от переизбытка кофеина и вида его рук? Чай был безопасен. Я смотрела на дверь и ждала. Нервничала так, что кружка прыгала в руках.

Он пришел без пяти девять.

Я услышала его шаги на лестнице за несколько минут до звонка. Узнала бы их из тысячи других шагов. Уверенная,

тяжелая, чуть медлительная походка человека, который никуда не спешит, потому что знает себе цену и знает, что его ждут. Сердце, которое до этого просто нервно билось, подпрыгнуло к горлу и забилось там, как пойманная в силки птица, отчаянно и громко.

Звонок.

Я замерла на секунду у двери, прижав ладонь к груди, будто пытаюсь унять этот бешеный стук. Глубокий вдох. Выдох. Я открыла.

Он стоял на пороге. На нем были темные джинсы и светлая рубашка с рукавами, закатанными до локтей, открывающими сильные, загорелые предплечья. Волосы, чуть влажные на концах — он тоже, видимо, только что вышел из душа. От него пахло свежестью, дорогим парфюмом с нотками дерева и цитруса, и чем-то еще, каким-то неуловимым, родным, от чего у меня вдруг предательски защипало в носу.

В руках он держал небольшую, но увесистую коробку, обтянутую глянцевой бумагой.

— Привет, — сказал он, и его голос прозвучал низко и интимно, будто мы не сутки не виделись, а только что проснулись в одной постели и он просто сходил на кухню за кофе.

— Привет, — выдохнула я, поражаясь, как мой голос вообще может звучать. Я посторонилась, впуская его в прихожую. — Заходи.

Он вошел, окинул быстрым взглядом прихожую, а потом его взгляд скользнул по мне. Задержался на открытых пле-

чах, на легкой ткани платья, на босых ногах с идеальным педикюром, который я сделала вчера вечером, сама не зная зачем. В его глазах мелькнуло одобрение, глубокое, мужское, от которого внутри меня разлилось тепло.

— Выглядишь лучше, — сказал он с легкой усмешкой. — Выспалась?

— Ага, — соврала я легко и беззастенчиво. — Ты тоже, судя по всему.

Он усмехнулся шире, прошел на кухню своей уверенной походкой. Поставил коробку на стол. Я подошла ближе, чувствуя, как от него исходит почти физически ощутимая волна энергии.

— Это что? — спросила я, кивая на коробку.

— Зарплата, — ответил он просто. — За вчерашнюю авральную работу.

Я заглянула в коробку, которую он уже начал открывать. Внутри, в ложементе из формованного пластика, лежала новая кофемашина. Не чудовищный монстр, как моя итальянка, которую я боялась включать, а красивая, стильная, серебристая, с кучей кнопок, блестящим хромированным бойлером и умной панелью.

— Дамир! — выдохнула я, поднимая на него круглые от изумления глаза. — Ты с ума сошел! Это же безумно дорого! Я не могу принять такой подарок!

— Можешь, — он пожал плечами и как ни в чем не бывало сел за стол. — Во-первых, я все равно собирался ку-

пить такую для офиса, но потом подумал: в офисе кофе будут жрать все кому не лень, а тут его будешь пить ты, и это приятнее. Во-вторых, вчера я понял одну важную вещь: я просто не могу оставить тебя без кофе. Это жестоко и не по-людски. Ты без кофе... это как я без, скажем, без отвертки. Или без молотка. Беспомощна и несчастна.

Я смотрела на него и чувствовала, как к глазам подступают противные, сладкие слезы. Никто никогда не делал мне таких подарков. Просто так. Без дня рождения, без Восьмого марта, без повода. Просто утром после виртуального пожара, чтобы сделать мне приятно. От этой мысли внутри разлилась такая теплая волна благодарности и нежности, что я готова была его расцеловать прямо сейчас.

— Дамир... — начала я, но голос дрогнул.

— Давай-ка проверим эту красавицу в деле, — перебил он, вставая и потирая руки. — А то вдруг она тоже дымит или, хуже того, взрывается?

Он делал всё быстро, уверенно и с какой-то спокойной грацией. Будто всю жизнь только и занимался тем, что подключал кофемашины и варил кофе. Он ловко распаковал коробку, вытащил аппарат, подключил его к той самой новой розетке, которую вчера собственноручно смонтировал (его работа, чёрт возьми!), засыпал кофе из банки, которую безошибочно нашел в моем шкафу, налил воду в резервуар. Нажал кнопку.

Машина зажужжала ровно, успокаивающе, по-хозяйски.

Пошел ароматный пар. Зашипело молоко, превращаясь в густую, плотную пену. Через минуту с небольшим на столе стояли две высокие керамические чашки с идеальным капучино — высокая, плотная пенка, ровный слой кофе, умопомрачительный аромат на всю кухню.

Я смотрела на это, открыв рот. Он не просто купил крутую машину. Он умел на ней работать. Он знал, как правильно темперовать кофе, как взбивать молоко, чтобы получилась идеальная микропена.

— Ты был бариста в прошлой жизни? — спросила я, принимая из его рук горячую чашку и с наслаждением вдыхая аромат.

— В прошлой жизни я был голодным студентом и три года горбатился в кофейне в центре города, — усмехнулся он. — Чтобы оплачивать учебу. Так что да, бариста, можно сказать. На всю жизнь научился отличать хороший кофе от помоев.

Я отпила кофе. Это было божественно. Идеальная температура, идеальный баланс горечи и сладости, идеальная текстура.

— Спасибо, — сказала я тихо, глядя ему прямо в глаза. — Ты просто волшебник. Я даже не знаю, как тебя благодарить...

Он смотрел на меня через край своей чашки. Взгляд его вдруг изменился. Стал тяжелым, темным, сосредоточенным, как у хищника, который заметил добычу. Медленно, очень медленно он поставил чашку на стол. Поднялся.

Я замерла. Воздух в комнате вдруг стал густым, как сироп.

Он подошел ко мне вплотную. Так близко, что я кожей чувствовала жар его тела. Так близко, что мой пульс переместился куда-то в горло и загрохотал там, как отбойный молоток. Его рука легла на стойку слева от меня, заставив меня вздрогнуть. Потом вторая — справа. Я оказалась в ловушке. В самой сладкой, самой желанной ловушке в моей жизни.

Он наклонился чуть ниже. Я смотрела в его глаза и тонula в их темной глубине. Там плескалось что-то такое, от чего у меня подкашивались колени и перехватывало дыхание. Обещание близости. Угроза потери контроля. И животная, первобытная жажда.

Он убрал прядь волос с моего лица. Кончиками пальцев, невесомо, коснулся щеки, провел по скуле, остановился на подбородке. Чуть приподнял мое лицо, заставляя смотреть прямо на него, не отводя взгляда.

— Вообще-то, — сказал он, и его голос стал низким, хриплым, вибрирующим, как струна, — за срочный вызов мастера на дом, да еще и в неурочное время, принято платить отдельно.

Я сглотнула. Во рту пересохло мгновенно.

— Я... — выдохнула я одними губами.

— Спасибо, — продолжил он, и в его глазах мелькнула усмешка, от которой внутри всё сжалось, — это, конечно, приятно, но это просто слово. А я, знаешь ли, человек практичный. Предпочитаю материальные ценности.

— Какие? — спросила я шепотом, боясь пошевелиться.

Его палец скользнул от подбородка вниз, по чувствительной коже шеи, по ключице, обжигая дорожку. Остановился у самого выреза платья, чуть задержался там, где ткань скрывала начало кружевного белья. Я перестала дышать. Каждая клеточка моего тела превратилась в оголенный нерв, жаждущий его прикосновения. Внизу живота полыхнуло жаром.

— Например, — он говорил медленно, смакуя каждое слово, каждую паузу, — чашку того самого кофе, из-за которого, собственно, и разгорелся весь сыр-бор. Завтра. В это же время.

Я моргнула. Выдохнула. И снова моргнула, не веря своим ушам. Кофе? Он просит чашку кофе? После такого многообещающего намека, после того, как он прижал меня к стойке, после этого интимного полусшепота, после того, как я уже мысленно разложила на этой кухонной стойке, готовая ко всему...

Он увидел мое замешательство, мою растерянность, написанную на лице, и усмехнулся шире. Довольно. По-кошачьи.

— Но без дыма и без пожаров, — добавил он. — Идет?

Я выдохнула. Выдохнула с таким громким облегчением и одновременно с таким острым разочарованием, что это, наверное, было написано у меня на лбу гигантскими буквами.

— То есть... — я попыталась собрать мысли в кучу, — ты хочешь прийти завтра просто на кофе?

— А ты хотела чего-то другого? — его глаза блеснули дья-

вольским огоньком.

Я покраснела. Я реально, как школьница на первой дискотеке, покраснела до корней волос, до самых пяток.

— Я... нет... то есть да... то есть... я просто подумала... — замямлила я, ненавидя себя за этот жалкий лепет.

Он рассмеялся. Низко, довольно, чуть хрипло. Наклонился еще ближе — так близко, что его губы оказались у самого моего уха, обжигая дыханием.

— Алиса, — прошептал он, и его дыхание, горячее и влажное, опалило мою шею, заставив вздрогнуть. — Я хочу узнать тебя. Не только в постели. Хотя в постели — обязательно, не сомневайся. Но сначала — узнать. Какой ты бываешь утром, какой вечером, что ты любишь, о чем думаешь. Ты согласна на такое знакомство?

Я кивнула. Говорить я была не в состоянии. Язык присох к небу.

— Скажи это, — потребовал он тихо, но властно. — Скажи вслух, что согласна.

— Да, — выдохнула я, наконец обретя голос. — Да. Я согласна.

Он отстранился. Посмотрел мне в глаза долгим, изучающим взглядом. Улыбнулся — тепло, открыто, почти нежно, и от этой улыбки у меня сжалось сердце.

— Тогда договорились. Завтра в восемь. Жди.

Он разомкнул кольцо своих рук, отошел к столу, одним глотком допил остывший кофе. Поставил пустую чашку в

мойку, будто делал это сотни раз.

— Машина работает исправно? — спросил он деловито, как заправский мастер, будто только что не прижимал меня к стойке и не шептал пошлости про постель на ухо.

— Работает, — ответила я севшим, хриловатым голосом.

— Отлично. Завтра проведем повторную проверку. В боевых условиях.

Он направился к выходу. Я пошла за ним на ватных ногах, чувствуя себя зомби. В прихожей он обернулся.

— И Алиса...

— Да? — отозвалась я эхом.

— Завтра, — он сделал паузу, — можешь снова быть в том халате. Мне понравилось. Очень.

Он подмигнул — быстро, дерзко, сводяще — и вышел, мягко, но плотно закрыв за собой дверь.

Я прислонилась спиной к стене и медленно сползла по ней на пол. Сердце колотилось как бешеное, отдаваясь в висках. Между ног пульсировало острое, сладкое желание. Губы горели там, где его губы были в миллиметре, но так и не коснулись.

— Вот же... — прошептала я в пустоту прихожей. — Вот же гад. Какой же он гад.

Он играл со мной. Открыто, нагло, мастерски. Дразнил, доводил до иступления и в последний момент отступал, оставляя меня одну гореть в этом сладком аду.

И знаете что? Мне это безумно нравилось. До дрожи, до крика, до потери пульса нравилось.

Я с трудом поднялась, заперла дверь на все замки, прошла на кухню. Посмотрела на новую кофемашину, которая тихо урчала в режиме ожидания. Посмотрела на стойку, к которой он меня прижимал. Провела пальцами по тому месту, где только что была его рука, и по коже побежали мурашки.

Завтра. Завтра в восемь.

Я поймала свое отражение в темном окне. Улыбка вышла предвкушающей, почти хищной.

— Хорошо, Дамир, — сказала я вслух своему отражению. — Ты хочешь узнать меня? Что ж. Узнаешь.

Я медленно, с чувством, сняла платье через голову, оставшись в кружевном белье. Потом надела тот самый злополучный халат — персиковый, шелковый, легкий. Подошла к стене, за которой была его квартира. Прижалась разгоряченной ладонью к прохладной поверхности.

— Спокойной ночи, сосед, — прошептала я, прижимаясь щекой к обоям.

За стеной тихо, едва слышно, скрипнула половица. Он не спал. Он тоже стоял там и думал. Я знала это каждой клеточкой.

Я легла в постель, укуталась в прохладную простыню, прижала к себе подушку. И в эту ночь я спала как убитая. Без снов, без кошмаров, без метаний. Потому что знала — завтра всё начнется по-настоящему.

И я была готова. Впустить его в свою жизнь. И, кажется, впустить его в себя. Окончательно и бесповоротно.

Глава 4. Свидание под прикрытием

Я думала, что умру до вечера. Seriously. Просто возьму и умру от этого состояния — когда сердце колотится где-то в горле, когда внутри всё дрожит мелкой противной дрожью, а в животе эти дурацкие бабочки устроили настоящий ураган. Они не порхали, они бились о стенки желудка, о ребра, о позвоночник, требуя: «Когда? Ну когда же?».

Я проснулась в семь утра. Будильник должен был прозвенеть в восемь, но организм решил, что ждать еще час — непозволительная роскошь. Я села в кровати рывком, как от толчка, обхватила колени руками и тупо уставилась в стену. За этой стеной спал он. Дамир. Мужчина, который вчера прижал меня к стойке, прошептал про постель и ушел, оставив меня гореть в адском пламени.

Я вспоминала вчерашнее. Каждую секунду. Как он вошел, заполнил собой всю кухню. Как пил кофе — медленно, глядя на меня поверх чашки. Как улыбнулся, когда я смутилась. Как наклонился, и я почувствовала запах его парфюма — свежий, древесный, с нотками табака и чего-то такого мужского, отчего подгибались колени. А потом он прошептал: «Я приду завтра. Мы поговорим. О постели».

Я не спала полночи. Просто лежала, глядя в потолок, и думала: «Что это было? Шутка? Игра? Или правда?».

В семь утра я поняла, что уснуть не получится. Встала, по-

брела на кухню, включила кофемашину. Сварила себе двойной эспрессо, обожгла язык, не почувствовала вкуса. Кофе был просто горячей жидкостью, которую нужно было в себя влить, чтобы организм включился.

Потом был душ. Долгий, обжигающий, с мыслями, которые становились все откровеннее. Я терла себя мочалкой, словно пыталась смыть это липкое возбуждение, которое не отпускало с самой ночи. Вода стекала по груди, по животу, ниже, и я представляла, что это его руки. Закрывала глаза и видела его. Его пальцы, его губы, его взгляд.

Выключила воду, потому что поняла: еще немного, и я начну трогать себя там, где трогать пока рано. Где должно быть только его прикосновение.

Волосы высушила кое-как, на скорую руку нанесла крем на лицо, на тело, надела халат и поплелась в комнату. На часах — девять утра. До вечера — одиннадцать часов ада.

Я пыталась работать. Честно.

Разложила на столе эскизы для нового проекта — жилой комплекс в скандинавском стиле. Взяла карандаш. Провела первую линию... и поймала себя на том, что рисую не фасад здания, а изгиб его плеча. Стерла. Начала заново. Линия снова поплыла, превратившись в очертание его спины. Бросила карандаш. Включила ноутбук, открыла референсы. Через пять минут поняла, что пялюсь в одну точку и представляю, как он раздевается. Как снимает через голову футбол-

ку, и напрягаются мышцы пресса. Как расстегивает джинсы. Как...

Я захлопнула ноутбук. Так дальше нельзя.

Попробовала читать. Взяла с полки детектив, который давно откладывала, открыла там, где закладка. Прочитала страницу. Перечитала снова. Буквы складывались в слова, слова в предложения, но смысл ускользал напрочь. Я поймала себя на том, что снова думаю о нем. О том, как он вчера смотрел на мои губы. Как облизнулся, когда я наклонялась за чашкой. Как его взгляд скользнул по вырезу халата.

Закрыла книгу. Бесполезно.

Включила сериал. Какой-то легкий, романтический, про любовь. Через пять минут я уже не видела экран. Я смотрела сквозь него и видела его лицо. Его улыбку. Его руки.

Я выключила телевизор, отшвырнула пульт и упала лицом в подушку. Заорала в нее, что есть мочи. Потом перевернулась на спину, уставилась в потолок и засмеялась.

Господи, во что я вляпалась? Мне тридцать два года, я взрослая женщина, дизайнер с именем, у меня были отношения, разрывы, драмы. И вот сейчас я лежу и схожу с ума от одного только обещания встречи.

В час дня я поняла, что работать бесполезно. Организм требовал движения. Я встала, подошла к шкафу, распахнула дверцы.

И началось.

Я перерыла всё.

Сначала достала джинсы. Любимые, идеально сидящие, с высокой талией. Приложила к себе, посмотрела в зеркало. Нет. Слишком просто. Слишком буднично. Он придет, посмотрит и подумает: «Ну, обычная тетка в джинсах». Бросила на кровать.

Следующими полетели брюки. Черные, узкие, стрелки. С блузкой? Нет. Слишком офисно. Как на работу собралась. Не годится.

Юбка-карандаш. Красная. Обтягивающая. До колена. С разрезом сзади. Я надела ее, покрутилась перед зеркалом. Сексуально. Даже слишком. Если я в этом выйду, он поймет, что я старалась. Что готовилась. Что это для него. А нельзя, чтобы он понимал. Пусть думает, что я всегда такая.

Сняла.

Платье в пол. Шелковое, с глубоким декольте. Надела. Посмотрела. Шикарно. Но чересчур. Сразу в постель? Он подумает, что я только этого и жду. А я... ладно, я этого и жду. Но нельзя показывать.

Сняла.

Короткая юбка. Кожаная. С топом. Приложила — ужаснулась. Вызывающе. Вульгарно. Это для клуба, не для первого вечера.

К трем часам дня моя кровать напоминала филиал секонд-хенда. Джинсы, юбки, платья, блузки — все это лежало кучами, свисало со спинки стула, валялось на полу. Я сидела посреди этого безобразия в одном белье и халате нараспаш-

ку, и чувствовала себя полной дурой.

Взгляд упал на белье, в котором я сидела перед зеркалом. Кружевное, нежно-розовое, полупрозрачное. То самое, которое купила месяц назад в Париже, в маленьком бутике на Rue Saint-Honoré. И думала тогда: «Для кого? Для чего?». А оно вот — дождалось.

Я подошла к зеркалу вплотную, повернулась боком, провела рукой по груди, по животу, по бедру. Тело было в порядке. Даже в отличном порядке. Я следила за собой: спортзал три раза в неделю, правильное питание, уход. И сейчас, глядя на свое отражение в кружевах, я вдруг поняла: я хочу, чтобы он это увидел. Пусть не сразу. Пусть потом. Но я хочу видеть его глаза в тот момент, когда он снимет с меня платье и увидит это.

Я улыбнулась своему отражению.

Остановилась на легком шифоновом платье нежно-голубого цвета. Оно висело в самом углу, почти забытое. Летящее, с открытыми плечами, длиной чуть выше колена. Я надела его — и ахнула. Оно село идеально. Подчеркивало талию, открывало ключицы, делало ноги бесконечными. Под ним угадывалось белье, но не вызывающе, а загадочно. Словно намек: «Там что-то есть. Хочешь посмотреть?».

Я снова подошла к зеркалу. Волосы. Надо сделать локоны. Я люблю локоны, они делают меня мягче, женственнее. Быстро накрутила на плойку, взбила пальцами, зафиксировала лаком.

Макияж. Легкий, почти незаметный. Тональный крем, чуть румян, тушь, блеск для губ. Никаких стрелок, никакой тяжелой артиллерии. Только чтобы глаза блестели, а губы выглядели сочными.

Духи. Мои любимые, с запахом ванили и сандала. Брызнула на запястья, на шею, за уши. Вдохнула — и внутри что-то щелкнуло. Спокойствие. Готовность.

Я готова. Кажется. Посмотрела на часы. Семь вечера. Через час он придет.

Я села на край постели, прижала руки к груди и попыталась успокоить сердце. Оно колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет.

В восемь раздался звонок.

Я подскочила, поправила платье, одернула его, снова поправила. Глубоко вздохнула. Выдохнула. Подошла к двери, положила ладонь на ручку, замерла на секунду. Открыла.

Он стоял на пороге, и у меня реально подкосились колени.

Вчера он был в рабочей одежде — джинсы, футболка. Сегодня... Сегодня это был другой мужчина. Дорогие темно-синие джинсы сидели на нем так, будто их шили на заказ, облегая бедра и длинные сильные ноги. Белая рубашка — простая, но идеально выглаженная, с расстегнутой верхней пуговицей, открывающей ложбинку на шее, и с чуть закатанными рукавами, обнажающими сильные запястья. На одном запястье — дорогие часы с кожаным ремешком, на другом

— тонкий плетеный браслет. Волосы уложены, но небрежно, будто он просто провел рукой. Легкая небритость подчеркивала линию челюсти и делала его немного опасным. От него пахло парфюмом — свежим, древесным, с нотками бергамота и чего-то дымного. Этот запах ударил мне в голову, и на секунду я потеряла ориентацию в пространстве.

Он улыбнулся, увидев мое лицо. Улыбнулся медленно, уголками губ, и глаза его тоже улыбнулись — чуть прищурились, в них зажглись теплые искорки.

— Привет.

Голос низкий, с хрипотцой. Грудной. Такой, от которого внутри всё сжимается.

— Привет, — выдохнула я. — Ты... отлично выглядишь.

Я не соврала. Он выглядел сногшибательно.

— А ты, — он окинул меня взглядом. Медленно, от макушки до пят. Задержался на открытых плечах, на платье, на ногах. Вернулся к лицу. — Очень отлично.

В этом «очень» было столько всего, что я снова перестала дышать.

Я посторонилась, впуская его. Он прошел в квартиру, и я заметила, что в руках у него бутылка вина — хорошего, сухого, с этикеткой, которую я узнала, — и плотный бумажный пакет с какими-то продуктами.

— Я подумал, — сказал он, проходя на кухню и ставя всё на стол, — что кофе — это хорошо. Но к кофе нужно что-то вкусное. Ты же не против поужинать?

Он обернулся, посмотрел на меня вопросительно. Я не была против. Я была за. Обеими руками и ногами. Всем телом и душой.

— Не против, — улыбнулась я. — Что будем готовить?

— Сюрприз, — он подмигнул. — Давай фартук, я покажу, на что способен.

Мы готовили вместе.

Он резал овощи для салата — уверенно, профессионально, как заправский повар. Нож мелькал в его руках, помидоры и огурцы превращались в ровные, аккуратные дольки. Я смотрела на его руки — сильные, с длинными пальцами, с выступающими венами, — и думала о том, как эти пальцы вчера сжимали мою талию. Как они будут трогать меня сегодня.

Я отвернулась к плите, чтобы он не заметил мой взгляд, и занялась пастой. Вскипятила воду, бросила соль, спагетти. Рядом, на соседней конфорке, он уже колдовал над соусом — томаты, чеснок, базилик, оливковое масло. Запах стоял божественный.

— Ты часто готовишь? — спросила я, помешивая пасту.

— Стараюсь, — ответил он, не отрываясь от соуса. — Жить одному — приходится уметь. А ты?

— Люблю, но времени мало. Обычно что-то быстрое.

— Паста — это быстрое? — усмехнулся он.

— Паста — это святое, — улыбнулась я в ответ.

Мы переглянулись, и в этом взгляде было что-то такое...

доверительное, что ли. Будто мы знали друг друга сто лет, а не два дня.

Наконец всё было готово. Мы накрыли на столе в гостиной — я достала красивые тарелки, бокалы, зажгла свечи. Он разлил вино.

— Ну, — он поднял бокал, — за знакомство? Хотя мы уже знакомы.

— За продолжение, — предложила я.

— За продолжение, — согласился он.

Мы чокнулись, выпили. Вино было терпковатым, с ягодными нотками, приятно согревало горло.

Мы ели, болтали, смеялись. Я рассказывала про своих клиентов — дизайн-проекты бывают смешные, когда заказчик хочет «как в журнале», а сам жить будет в хрущевке. Он рассказывал про автосервис — про клиентов, которые думают, что разбираются в машинах лучше мастеров, про забавные поломки, про то, как однажды к нему приехала женщина на «феррари» с просьбой «подкрутить зеркало заднего вида».

Я смеялась до слез. Он смотрел на меня и улыбался.

И постепенно напряжение, которое висело между нами с первой секунды, начало трансформироваться во что-то другое. В тепло. В уют. В близость. Мы сидели на диване с бокалами, огоньки свечей отражались в его глазах, и я вдруг поймала себя на мысли, что мне хорошо. Просто хорошо. Спокойно. Как будто я дома. Как будто так и должно быть.

— Расскажи о себе, — попросил он, когда мы устроились поудобнее, и я положила ноги на диван, поджав их под себя.

— Что именно? — я пожала плечами. — Живу одна. Работаю дизайнером. Люблю кофе, как ты уже понял. А ты?

— Тоже живу один, — он сделал глоток вина. Помолчал. — Развелся год назад. С тех пор как-то... не складывалось.

Я посмотрела на него внимательнее. В его голосе появились нотки, которых раньше не было. Усталость? Грусть?

— Почему развелись? — спросила я осторожно.

Он вздохнул, откинулся на спинку дивана, посмотрел в потолок.

— Разные стали. Это классика, наверное. Она хотела стабильности, детей, дома в пригороде, чтобы я приходил с работы в шесть и мы вместе ужинали. А я... Я хотел развития, бизнеса, движения. Я тогда открывал свой сервис, вкладывал все силы, деньги, время. Работал сутками. Ей не хватало внимания. Я не мог дать ей то, что она хотела. И она ушла.

Он помрачнел. Я видела, как напряглись его скулы, как сжались пальцы на бокале.

— Детей не было? — спросила я тихо.

— Нет. — Он покачал головой. — К счастью, наверное. Было бы сложнее. Больше.

— Ты жалеешь?

Он задумался. Долго. Потом посмотрел на меня — прямо, открыто.

— Нет. Не жалею. Это был правильный выбор для нас

обоих. Она сейчас замужем, родила, живет в том самом пригороде, о котором мечтала. Счастлива. А я... я тоже счастлив по-своему.

— А чего хочешь ты? — спросила я.

Вопрос повис в воздухе. Он смотрел на меня, и в его взгляде появилась какая-то новая глубина.

— Я хочу... — Он помедлил. — Я хочу, чтобы рядом был человек, с которым можно молчать. Понимаешь? Не обязательно говорить. Можно просто сидеть рядом, пить кофе, и чтобы было хорошо. Чтобы я чувствовал, что я дома.

У меня внутри что-то дрогнуло. Я понимала. Очень хорошо понимала.

— А ты? — спросил он. — Почему одна?

Я вздохнула, отпила вина, собираясь с мыслями.

— Долгая история, — я отмахнулась сначала, но потом поняла, что хочу рассказать. Ему. — Были отношения. Пять лет. Думала, что навсегда. А он... он просто однажды собрал вещи и ушел. Сказал, что я слишком много работаю, что я холодная, что ему нужно больше тепла. Нашел другую. Через месяц после разрыва они уже жили вместе.

Я говорила и удивлялась своему спокойствию. Раньше, вспоминая это, я злилась или грустила. Сейчас — просто констатировала факт.

— С тех пор я одна, — закончила я. — Устала от гонок. От надежд, от разочарований. Легче одной. Никого не ждешь, не обманываешься, не разочаровываешься.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я тоже не ищу, — сказал он медленно, словно пробуя слова на вкус. — Отношения — это ответственность, обязательства, планы. Я не готов.

Мы смотрели друг на друга. И оба врали. Я это чувствовала каждой клеточкой. Чувствовала, что он врет так же отчаянно, как я. Потому что между нами уже было что-то такое, что не вписывалось в концепцию «легко и без обязательств». Что-то большее. Что-то, что пугало и притягивало одновременно.

Но вслух мы ничего не сказали.

Вечер тянулся медленно, как патока.

Мы говорили о музыке. Оказалось, он любит джаз, а я — старый рок. Он поставил Нину Симон, и под ее хрипловатый голос мы пили вино и смотрели друг на друга. Говорили о кино. Любимые фильмы — у него «Криминальное чтиво», у меня «Амели». Смеялись, спорили, кто круче — Тарантино или Жене. Говорили о путешествиях. Он обожал горы, я — море. Он рассказывал, как ходил в походы по Кавказу, как ночевал в палатке под звездами, как утром просыпался от пения птиц. Я рассказывала, как ныряла с аквалангом в Египте, как плыла среди кораллов и видела рыбу-клоуна, совсем как в «Немо».

Мы смеялись. Наши руки случайно соприкасались, когда тянулись за вином или за сыром, и каждый раз по коже бе-

жали мурашки. Я ловила его взгляды — долгие, темные, когда он смотрел на мои губы. И сама смотрела на его руки, на его плечи, на то, как двигаются мышцы под рубашкой, когда он поворачивается.

Я поймала себя на том, что не хочу, чтобы этот вечер заканчивался. Что готова сидеть так вечность — слушать его голос, смотреть на него, ловить каждое движение, каждый вздох. Что это лучшее, что было со мной за последние... да за все последние годы.

Он, кажется, чувствовал то же самое.

Когда вино закончилось, а свечи догорели почти до основания, он вдруг замолчал. Посмотрел на часы, потом на меня.

— Поздно, — сказал он тихо. — Засиделся я у тебя.

— Не поздно, — ответила я. — Не засиделся.

Он снова посмотрел на меня — и я увидела, как изменился его взгляд. Стал тяжелым, темным, голодным. Зрачки расширились, почти закрыв радужку.

— Алиса, — сказал он хрипло.

— М? — я замерла.

Он протянул руку. Медленно, очень медленно, давая мне возможность отстраниться, если я не хочу. Я хотела. Боже, как я хотела.

Его пальцы коснулись моего лица. Убрали прядь волос, упавшую на щеку. Провели по скуле — легко, едва касаясь, отчего по коже побежали тысячи иголочек. Остановились на

подбородке, чуть приподняли его, заставляя смотреть в глаза.

Я перестала дышать.

Его большой палец провел по моей нижней губе. Чуть надавил, приоткрывая рот. Я облизнула губу — и лизнула его палец. Случайно? Нарочно? Я сама не поняла. Но он вздрогнул, и глаза его потемнели еще больше.

— Можно? — спросил он. Голос сел до хриплого шепота.

Вместо ответа я подалась вперед сама.

Поцелуй. Первый поцелуй.

Это не было нежным знакомством. Не было робким прикосновением губ. Это был голод. Чистый, первобытный голод.

Он целовал меня так, будто ждал этого всю жизнь. Жадно, глубоко, властно. Его язык ворвался в мой рот, требуя, беря, покоряя. Он пробовал меня на вкус — вино, сладость блеска для губ, просто я. И я отвечала так же жадно, вцепившись в его рубашку, притягивая ближе, еще ближе.

Я застонала ему в рот. Не сдержалась. Просто звук вырвался сам.

Он ответил мгновенно. Руки сомкнулись на моей талии, рывком притянули к себе, разворачивая, усаживая на колени. Я даже не заметила, как это произошло — просто вдруг оказалась верхом на нем, чувствуя сквозь ткань его джинсов и свои тонкие трусики, как он возбужден. Твердый, горячий, пульсирующий.

Он был такой большой. Я чувствовала это бедрами, низом живота, каждой клеточкой, прижатой к нему.

— Алиса, — выдохнул он мне в губы, отрываясь на секунду. — Я хочу тебя. Прямо сейчас.

— Да, — выдохнула я. — Да.

Я не узнавала свой голос. Чужой, низкий, хриплый. Дальше всё понеслось в каком-то горячечном темпе.

Его руки срывали с меня платье. Он просто стянул бретельки с плеч, и легкая ткань упала к поясу, открывая кружево лифа. Он замер на секунду, глядя на меня. В его глазах было такое восхищение, что я почувствовала себя самой красивой женщиной на свете.

— Боже, — выдохнул он. — Ты... ты не представляешь...

Я не дала ему договорить. Мои руки расстегивали его рубашку. Пуговицы летели в стороны, и мне было плевать. Я хотела видеть его. Хотела трогать его. Сейчас.

Рубашка упала на пол. Я впервые увидела его торс — и у меня перехватило дыхание.

Широкие плечи, рельефная грудь с легкой темной порослью, которая сбегала дорожкой вниз, к животу. Пресс — жесткие кубики, которые напряглись, когда он вздохнул. И татуировка на предплечье — дракон, обвивающий руку, vyplненный так искусно, что казался живым. Черная тушь, красные языки пламени из пасти.

Я провела пальцами по татуировке. Кожа под моими пальцами была горячей, и дракон будто оживал от прикоснове-

ний.

— Не дразни, — предупредил он хрипло. В голосе звучала угроза. Сладкая угроза.

— А если хочу? — улыбнулась я, глядя ему в глаза.

Рывок — и я уже лежу на спине, а он нависает сверху, прижимая меня к дивану своим весом. Его рот нашел мою шею — жадно, горячо, оставляя влажные дорожки. Он целовал, покусывал, посасывал нежную кожу за ухом, под челюстью, там, где бьется пульс. Я выгнулась, запрокинув голову, отдаваясь этим ощущениям.

— Какая же ты красивая, — прошептал он, отрываясь от моей шеи, чтобы посмотреть на меня. Я была уже почти голая — платье сбилось где-то под грудью, кружевной лиф сполз, обнажая грудь. Соски затвердели от воздуха и его взгляда.

— Я вчера с ума сходил, — продолжил он, глядя на меня. — Представляя, что под этим халатом.

— И что представлял? — спросила я шепотом. Я знала ответ, но хотела услышать.

— Это, — он коснулся губами соска, и я задохнулась. — Это...

Он взял сосок в рот. Горячо, влажно, жадно. Язык дразнил, покусывал, посасывал. Вторая рука нашла другую грудь, сжимая, поглаживая, играя.

— И это, — выдохнул он, отрываясь на секунду, и посмотрел вниз, туда, где кружево трусиков уже насквозь промокло

от желания.

Он целовал мою грудь долго, ненасытно, доводя до иступления. Я извивалась под ним, хватала ртом воздух, впивалась пальцами в его плечи. А он только усмехался и продолжал.

Потом его пальцы скользнули вниз. Под кружево. В самую сердцевину.

— Боже, Алиса, — выдохнул он, когда его пальцы нашли меня. — Ты уже готова. Ты течешь.

— Хочу тебя — простонала я. — Со вчерашнего дня хочу.

Он улыбнулся — довольно, хищно, как кот, который добрался до сметаны. И скользнул вниз.

Целуя живот. Проводя языком по дорожке волос, которая убегала вниз. Целуя бедра, внутреннюю сторону бедер — самую чувствительную кожу. Останавливаясь у самого сокровенного места, дыша на него через кружево. Я дергалась, готовая умолять.

— Смотри на меня, — приказал он.

Я приподнялась на локтях, посмотрела. И чуть не сошла с ума от этого зрелища.

Он, красивый, сильный, с растрепанными волосами, с блестящими от возбуждения глазами, смотрит на меня снизу вверх. А потом наклоняется и целует меня там. Прямо там, сквозь кружево.

— Дамир! — вскрикнула я.

Но он уже отодвинул ткань в сторону и погрузился в меня

языком.

Я закричала.

Это было слишком. Слишком хорошо. Слишком остро. Слишком глубоко. Он ел меня так, будто я была самым изысканным блюдом в его жизни. Язык проникал внутрь, ласкал клитор, дразнил, мучил, доводил до грани. Я вцепилась в его волосы, не зная, то ли оттащить, то ли прижать еще сильнее.

Он рычал. Прямо рычал мне в промежность, и эти вибрации отдавались во мне, усиливая ощущения. Я была уже на грани. Еще секунда — и я взорвусь. Он остановился.

Поднял голову, посмотрел на меня. Глаза темные, почти черные, губы мокрые, блестящие, подбородок влажный.

— Нет, — сказал он. — Не так быстро.

— Ты издеваешься? — простонала я.

— Немного, — усмехнулся он. И добавил, глядя мне в глаза: — А теперь — ты.

Он лег на спину, притянул меня к себе, усаживая сверху. Я оказалась лицом к его паху. Джинсы уже не скрывали ничего — член стоял так, что ширинка натянулась до предела, выпирая внушительным бугром.

— Расстегни, — приказал он. Голос низкий, хриплый, командный.

У меня дрожали руки, когда я справилась с пуговицей, с молнией. Освободила его.

Он выскользнул наружу — большой, горячий, твердый. И красивый — да, мужской член может быть красивым. У него

был. Идеальной формы, с аккуратной головкой, с выступающими венами. Я обхватила его пальцами — он был тяжелым, пульсирующим, живым.

— Какая прелесть, — выдохнула я, сама не понимая, что говорю.

Он рассмеялся низко, довольно.

— Трогай, — разрешил он. — Изучай.

Я трогала. Водила пальцами по всей длине, сжимала у основания, проводила по головке, собирая выступившую капельку смазки. Он вздрагивал, мышцы живота напрягались, на скулах играли желваки.

Потом я наклонилась и взяла его в рот. Он застонал так, что у меня мурашки побежали по коже. Глубоко, с хрипом, откинув голову назад. Руки сжали мои волосы, но не дергали, только направляли, поглаживали.

Я старалась. Боже, я старалась сделать ему так же хорошо, как он сделал мне. Брала глубоко, почти до упора, работала языком, руками, губами. Двигалась в ритме, который чувствовала по его дыханию. Когда он задерживал воздух — брала глубже. Когда выдыхал со стоном — ускорялась.

Он стонал, выгибался, сжимал мои волосы в кулаке, шептал:

— Да... вот так... Алиса... боже...

Я чувствовала, как он набухает во рту еще сильнее, как пульсирует, как напрягается. Он был на грани, я чувствовала это каждой клеточкой.

— Остановись, — выдохнул он вдруг, оттаскивая меня.
— Еще немного, и я кончу. А я не хочу так.

Я подняла голову, облизнула губы. Во рту остался его вкус
— солоноватый, терпкий, мужской.

— А как ты хочешь? — спросила я.

Он перевернул меня снова. На этот раз — на спину, широко раздвинул мои ноги, устроился между ними. Его член уперся мне в живот — горячий, твердый, пульсирующий. Он наклонился, поцеловал. Долго, глубоко, давая попробовать мой собственный вкус на его губах.

— Я хочу, — прошептал он, отрываясь от моих губ, — взять тебя целиком. Полностью. Но не сегодня.

— Что? — я открыла глаза, не веря своим ушам. — Почему?

— Потому что, — он провел пальцем по моей щеке, убрал прилипшую прядь волос, — сегодня я хочу помучить тебя. И себя. Чтобы завтра ты думала только об этом.

— Дамир, — простонала я. — Это жестоко.

— Я знаю, — усмехнулся он. В этой усмешке было что-то дьявольское, но такое притягательное. — Но я хочу тебя целиком. И не на один раз. Понимаешь? Я хочу, чтобы это было не просто «перепихнулись и забыли». Я хочу, чтобы ты помнила каждую секунду. Чтобы ждала следующего раза так же, как я сейчас жду.

Он провел рукой между моих ног. Я была мокрой, пульсирующей, готовой кричать от одного прикосновения. Пальцы

вошли в меня легко, без сопротивления, скользнув по влажным стенкам. Он двигал ими медленно, дразняще, глядя мне в глаза.

— Я хочу, чтобы ты кончила вот так, — прошептал он. — На моих пальцах. Чтобы ты знала — это только начало.

И он довёл меня до оргазма.

Медленно. Невыносимо сладко. Пальцы двигались во мне, большой палец давил на клитор, а он смотрел в глаза и не отводил взгляда. Я кричала, выгибалась, впивалась ногтями в его плечи, а он смотрел и улыбался, и пальцы его двигались во мне, продлевая удовольствие, выжимая до последней капли.

Когда спазмы стихли, и я обмякла, обессиленная, он вытащил пальцы, облизал их, не сводя с меня глаз. Это было так эротично, что я чуть не застонала снова.

— Вкусно, — сказал он. — Ты вкусная.

Он лег рядом, притянул к себе, укрыл пледом. Я прижалась к его груди, чувствуя, как колотится его сердце, чувствуя его возбуждение, прижатое к моему бедру.

— Спи, — сказал он. — Я побуду с тобой.

— А ты? — спросила я сонно. — Ты же...

— Я потерплю, — усмехнулся он, целуя меня в макушку. — Я мужчина терпеливый.

— Может, я могу помочь? — пробормотала я, уже проваливаясь в сон.

— Успеешь. Завтра. Всё завтра. А сейчас спи.

Я хотела возразить, но глаза слипались. Оргазм выпил все силы, вино расслабило, его тепло убаюкивало. Я чувствовала, как его рука гладит мою спину, как он дышит, как пахнет его кожа.

— Ты останешься? — спросила я, уже проваливаясь в сон.

— Да, — ответил он. — Я останусь.

И это было последнее, что я слышала. Ночью я просыпалась несколько раз. Первый раз — оттого, что он целовал мои плечи. Медленно, нежно, едва касаясь губами. Я улыбнулась во сне и придвинулась ближе. Второй раз — оттого, что его рука лежала на моей груди. Просто лежала, сжимая сосок между пальцами, но не двигаясь. Я вздохнула, и рука чуть сжалась в ответ. Третий раз — оттого, что его дыхание щекотало шею, а член упирался мне в поясницу. Он был твердым даже во сне. Или не во сне? Я не стала проверять. Просто улыбнулась и снова заснула, чувствуя себя в безопасности. Впервые за долгое время.

Утром я проснулась от холода. Открыла глаза — диван был пуст. На мгновение меня захлестнула паника: ушел? Не попрощавшись? Вчерашнее было сном? Я села, огляделась. И увидела записку на подушке. Аккуратный листок бумаги, сложенный пополам. Я развернула дрожащими пальцами.

«Уехал по делам. Вечером вернусь. Жди. Твой должник по кофе. P.S. Ты сводишь меня с ума. Д.»

Я прижала записку к груди, закрыла глаза и улыбнулась. Вдохнула. Выдохнула. Ждать. Я буду ждать. Сколько угодно.

Потому что этот мужчина стоил ожидания.

Глава 5. Порочная сделка

Я опять не спала почти всю ночь. Совсем. До самого рассвета я лежала в кровати, как натянутая струна, и смотрела, как за окном чернильная темнота медленно выцветает до серого, а потом и до бледно-розового. Он ушел под утро — я слышала, как щелкнул замок, как бесшумно закрылась дверь. Он ушел, оставив меня обессиленной, разгоряченной, опустошенной и п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.